

1902 г.

15 АПРѢЛЯ.

№ 8.

ИЗВѢСТІЯ ПО С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ ПРИ

„ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Отдѣлъ оффиціальныи: Высочайшія награды. — Опредѣленія Святѣйшаго Синода. — Награды. — Распоряженія Епархіальнаго Начальства. — Списокъ священнослужителей, назначенныхъ для совершенія молитвословія и веденія бесѣды.

Отдѣлъ неоффиціальныи: Отголоски жизни. — О чемъ пишутъ. — Что говорятъ прихожане.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., № 6.

1902.

ИЗВѢСТІЯ

по С.-Петербургской Епархіи,

издаваемые при журналѣ „ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу Кавалерской Думы *ордена св. Анны*, въ 3-й день февраля сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ, согласно удостоенію Святѣйшаго Синода, пожаловать *сей орденъ 3-й степени, по статуту*: протоіерею Шлиссельбургскаго Благовѣщенскаго собора Виктору **Благовѣщенскому**, священникамъ церквей: села Дятлицъ, Петергофскаго уѣзда, Теодору **Молчанову**, и погоста Каменнаго, Гдовскаго уѣзда, Иоанну **Николаевскому**, первому — за 12-ти-лѣтнее прохожденіе должности благочиннаго, второму — за 25-ти-лѣтніе труды по народному образованію и третьему — за склоненіе Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Василя Яковлева къ построенію церкви въ деревнѣ Юръ-Михалкѣ, нынѣ селѣ Николаевскомъ, Гдовскаго уѣзда.

Государь Императоръ, согласно съ заключеніемъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, Всемилостивѣйше соизволилъ, къ 6-му числу декабря 1901 г., пожаловать свѣтскихъ лицъ *медалями*, за заслуги по духовному вѣдомству, съ надписью „за усердіе“. *Серебряными, для ношенія на шеѣ*

на *Станиславской лентѣ*: старостьъ церквей, Преображенскаго Лядскаго погоста, Гдовскаго уѣзда, Гдовскаго купеческаго сына Дмитрія **Бояринова**, и села Новашъ, Петергофскаго уѣзда, крестьянина Семена **Гаукина**, крестьянина Павла **Тюкова**, Попечителя Новолодожской церковно-приходской школы, Новолодожскаго второй гильдіи купца Ивана **Спирова**. *Золотыми, для ношенія на груди, на Анненской лентѣ*: старостьъ церквей: с. Старополья, Гдовскаго уѣзда, крестьянина Андрея **Кудрявцева** и с. Копорья, Петергофскаго уѣзда, крестьянина Тимоѳея **Емельянова**; на *Станиславской лентѣ*: мѣщанина Андрея **Дрюневскаго**; *серебряными, на Александровской лентѣ*: учительницъ: С.-Петербургскаго Исидоровскаго женскаго епархіальнаго училища Антонину **Кулагину**, школы-пріюта Симеоновскаго благотворительнаго Общества въ гор. С.-Петербургѣ, что при церкви св. Симеона и Анны, Марію **Митину**, той же школы-пріюта Елену **Морозовскую**; учительницъ церковно-приходскихъ школъ: Хрединской одноклассной, Лужскаго уѣзда, Анну **Добрянскую**, Веленской, того же уѣзда, Евгению **Уткину**, Малиновской, что въ С.-Петербургскомъ пригородѣ, Олимпіаду **Штырову**, Вороновской (въ с. Вороновѣ), Новолодожскаго уѣзда, Параскеву **Лебедеву**, и образцовой, что при С.-Петербургскомъ Исидоровскомъ женскомъ епархіальномъ училищѣ, Ольгу **Курову**, и учителя Широ-Заозерской церковно-приходской школы, Лужскаго уѣзда, Семена **Иванова**; на *Анненской лентѣ*: воспитательницъ С.-Петербургскаго Исидоровскаго епархіальнаго женскаго училища: Раису **Ильинскую**, Татіану **Ильинскую**, Александру **Красновскую**, Марію **Соколову**, Зинаиду **Агапитову** и Елену **Шеметову**; помощницу воспитательницъ того же училища Татіану **Томилину**; на *Станиславской лентѣ*: Сердобольскаго гражданина Николая **Терентьева**, отставнаго рядового Тимоѳея **Васильева**, отставнаго унт.-оф. Даніила **Латышева**; старостьъ церквей: с. Гагриня, Лужскаго уѣзда, крестьянина Алексѣя **Уткина**, с. Теофиловой пустыни, того же уѣзда, крестьянина Ѳедора **Павлова** и села Бабигонъ, Петергофскаго уѣзда, крестьянина Марка **Андреева**.

Впредѣленія Святѣйшаго Синода.

Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 26 марта сего 1902 г., за № 2254, штатный членъ I Экспедиціи С.-Петербургской Духовной Консистоіи, протоіерей С.-Петербургской Вознесенской церкви Василій Михайловскій, согласно прошенію, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, уволенъ отъ занимаемой имъ должности штатнаго Члена I Экспедиціи Духовной Консистоіи, и вмѣсто его на сію должность назначенъ сверхштатный членъ той же Консистоіи, протоіерей С.-Петербургскаго Исаакіевскаго каедральнаго собора Филимонъ Знаменскій.

Указомъ св. Синода, отъ 2 апрѣля 1902 г., за № 2533, увеличено получаемое причтомъ Введенской церкви села Зарѣчья, Новолодожскаго уѣзда, содержаніе отъ казны до 600 рублей въ годъ, для чего прибавлено священнику, получающему 300 руб.—150 рублей и псаломщику, получающему 100 р.—50 рублей, съ отнесеніемъ сего расхода всего въ суммѣ *двухъ сотъ рублей* съ 1 января текущаго года, на счетъ кредита, ассигнуемаго изъ казны по пар. 6 ст. 1 финансовой смѣты Святѣйшаго Синода.

Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 2 апрѣля 1902 г., за № 2531, при Георгіевской церкви села Осьмина, Гдовскаго уѣзда, открыты вакансіи втораго священника и втораго псаломщика съ назначеніемъ на содержаніе сихъ вакансій по 400 рублей,—въ томъ числѣ священнику 300 руб. и псаломщику 100 руб., и существующей діаконской вакансіи (по которой не положено содержанія отъ казны) по 200 руб. въ годъ, а также увеличено до этого размѣра содержаніе существующимъ членамъ причта той же церкви, для чего прибавлено священнику, получающему 180 руб.,—120 р. и псаломщику, получающему 75 р.—25 р., съ отнесеніемъ сего расхода, всего въ суммѣ *семисотъ сорока пяти рублей* со дня замѣщенія новыхъ вакансій, на счетъ кредита, ассигнуемаго изъ казны по пар. 6 ст. финансовой смѣты Святѣйшаго Синода.

Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 2 апрѣля 1902 года за № 2532, при Преображенской церкви села Прибужья, Гдовскаго уѣзда, открыта вакансія діакона и назначено по этой вакансіи содержаніе изъ казны въ размѣрѣ *ста двадцати рублей* въ годъ,

съ отнесеніемъ сего расхода, со дня замѣщенія новой вакансіи, на счетъ кредита, ассигнуемаго изъ казны по пар. 6 ст. 1 финансовой смѣты Святѣйшаго Синода.

Награды.

По вниманію къ усердной службѣ и полезной пастырской дѣятельности Высокопреосвященнымъ Антоніемъ, Митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Ладожскимъ награждены къ празднику Пасхи слѣдующіе священнослужители:

а) Скуфьею.

Николаевской церкви при домѣ С.-Петербургскаго Градоначальника, священникъ **Владимір Покровский**.

Церкви преподобнаго Самсонія Страннопріимца на Выборгской сторонѣ, священникъ **Іоанн Острогорскій**.

Церкви св. мученицы Царицы Александры, при Демидовскомъ домѣ трудящихся, священникъ **Александръ Ельцовъ**.

Александро-Невской церкви, при 1-мъ Реальномъ училищѣ въ С.-Петербургѣ, священникъ **Викторъ Смирновъ**.

Церкви св. мученицы Царицы Александры, при Императорскомъ Александровскомъ лицее, священникъ **Михаилъ Поспѣловъ**.

Богородице-Рождественской церкви, при 1-мъ городскомъ училищномъ домѣ на Васильевскомъ Островѣ, священникъ **Владимір Юшковъ**.

Михаило-Архангельской церкви, при Александровскомъ механическомъ заводѣ, за Невскою заставою, священникъ **Арсеній Соколовъ**.

Введенской церкви, на Петербургской сторонѣ, священникъ **Митрофанъ Флоринскій**.

Александро-Невской церкви, при богадѣльнѣ С.-Петербургскихъ ремесленниковъ, священникъ **Михаилъ Успенскій**.

Казанской церкви села Тосны, Царскосельскаго уѣзда, священникъ **Алексій Западаловъ**.

Владимірской церкви села Дылицъ, Царскосельскаго уѣзда, священникъ **Іоанн Румянцевъ**.

Николаевской церкви села Большой Ижоры, Петергофскаго уѣзда, священникъ **Александръ Соколовъ**.

Георгиевской церкви села Ложголова, Гдовскаго уѣзда, священникъ **Владиміръ Георгиевскій**.

Священникъ Александро-Невской церкви, при домѣ Трудолюбія въ г. Кронштадтѣ, **Андрей Шильдскій**.

Срѣтенской церкви Вороновскаго погоста, Новолодожскаго уѣзда, священникъ **Константинъ Лебедевъ**.

Воскресенской церкви Щирскаго погоста, Лужскаго уѣзда, священникъ **Павель Романскій**.

Покровской церкви села Назіи, Шлиссельбургскаго уѣзда, священникъ **Сергѣй Лавровъ**.

Введенской церкви села Зарѣчья, Новолодожскаго уѣзда, священникъ **Авленскій Кириковъ**.

Николаевской церкви села Сиворгець, Царскосельскаго уѣзда, священникъ **Владиміръ Ламановъ**.

Успенской церкви села Вруды, Ямбургскаго уѣзда, священникъ **Алекскій Медвѣдковъ**.

Николаевской церкви села Заянъя, Гдовскаго уѣзда, священникъ **Іоаннъ Лебедевъ**.

Михайло-Архангельской церкви Мельницкаго погоста Гдовскаго уѣзда, священникъ **Іаковъ Власовъ**.

Свято-Троицкой церкви села Александровскаго С.-Петербуркскаго уѣзда, священникъ **Василій Лебедевъ**.

Преображенской церкви села Островна, Лужскаго уѣзда, священникъ **Леонидъ Павловъ**.

Николаевской церкви села Полей Гдовскаго уѣзда, священникъ **Николай Кузнецовъ**.

Іоанно-Предтеченской церкви села Островковъ, Шлиссельбургскаго уѣзда, священникъ **Михаилъ Лебединскій**.

Церкви св. мученицы Параскевы въ селѣ Верховинахъ, Новолодожскаго уѣзда, священникъ **Николай Мурзановъ**.

б) Набедренникомъ.

Николаевской церкви, въ мѣстности „Озерки“ близъ С.-Петербурга, священникъ **Симеонъ Канарскій**.

Борисоглѣбской церкви, на Калашниковской пристани въ С.-Петербургѣ, священникъ **Михаилъ Ребезовъ**.

Воскресенской церкви, при Институтѣ Принцессы Ольденбургской, въ С.-Петербургѣ, священникъ **Александръ Ильинскій**.

Вознесенской церкви, при церковно-приходской школѣ въ посадѣ Колпино, священникъ **Николай Смирновъ**.

Казанской церкви, села Тосны, Царскосельскаго уѣзда, священникъ **Георгій Поспѣловъ**.

Успенской церкви, на Успенскомъ островѣ въ Новолодожскомъ уѣздѣ, священникъ **Федоръ Быстряковъ**.

Аннинской церкви села Веготы, Новолодожскаго уѣзда, священникъ **Андрей Листовъ**.

Воскресенской церкви села Песья, Гдовскаго уѣзда, священникъ **Николай Азіатскій**.

Флора-Лаврской церкви села Хредина, Лужскаго уѣзда, священникъ **Константинъ Лавровскій**.

Николаевской церкви села Рли, Гдовскаго уѣзда, священникъ **Александръ Миролубовъ**.

Преображенской церкви села Загубья, Новолодожскаго уѣзда, священникъ **Германъ Лебедевъ**.

Покровской церкви села Вычелобки, Лужскаго уѣзда, священникъ **Михаилъ Фальковскій**.

Успенской церкви села Феофиловой пустыни Лужскаго уѣзда, священникъ **Александръ Смирницкій**.

Покровской церкви села Павъ, Лужскаго уѣзда, священникъ **Владиміръ Смирновъ**.

Николаевской церкви села Маслогостиць, Гдовскаго уѣзда, священникъ **Александръ Каргинъ**.

Смоленской церкви села Пулково, Царскосельскаго уѣзда, священникъ **Николай Успенскій**.

Михаило-Архангельской церкви села Бѣгуницъ, Петергофскаго уѣзда, священникъ **Александръ Басниковъ**.

Николаевской церкви села Кабонъ, Новолодожскаго уѣзда, священникъ **Петръ Лебедевъ**.

Федоровской церкви Песоцкаго погоста, Новолодожскаго уѣзда, священникъ **Николай Лавровъ**.

Троицкой церкви села Василькова, Шлиссельбургскаго уѣзда, священникъ **Михаилъ Паозерскій**.

Успенской церкви села Лукинскаго, того же уѣзда, священникъ **Николай Липовскій**.

Николаевской церкви села Сойкина, Ямбургскаго уѣзда, священникъ Алексѣй Веселовскій.

Николаевской церкви села Мродкина, Лужскаго уѣзда, священникъ Михаилъ Тычинскій.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Опредѣленіе С.-Петербургской Духовной Консисторіи, за № 1903, о кружечномъ сборѣ въ пользу слѣпыхъ.

По Указу Его Императорскаго Величества, 1-я Экспедиція С.-Петербургской Духовной Консисторіи слушали: 1) отношеніе Предсѣдателя Совѣта, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, на имя Его Высокопреосвященства, отъ 12-го марта сего года за № 1068, слѣдующаго содержанія: „Какъ извѣстно Вашему Высокопреосвященству, еще въ 1881 г. Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшено было ежегодно производить сборъ пожертвованій въ пользу слѣпыхъ въ теченіе недѣли о слѣпомъ (недѣля 5-я по Пасхѣ) во всѣхъ городскихъ и монастырскихъ церквахъ. Затѣмъ, опредѣленіемъ отъ 13—28 декабря 1900 года за № 5221, опубликованнымъ въ № 11 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1901 годъ, Святѣйшій Синодъ вновь постановилъ: разрѣшенный Совѣту Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ въ продолженіе всей недѣли о слѣпомъ во всѣхъ городскихъ и монастырскихъ церквахъ сборъ пожертвованій въ пользу Попечительства продолжить и на будущее время. На основаніи этого разрѣшенія Совѣтъ Попечительства возложилъ руководство и всѣ распоряженія по производству означеннаго сбора въ предстоящую недѣлю о слѣпомъ, съ 18-го по 25-е мая, во вѣренной Вашему Высокопреосвященству епархіи на Уполномоченнаго своего, Управляющаго акцизными сборами по С.-Петербургской губерніи, Коллежскаго Совѣтника Петра Михайловича фонъ-Витторфа, предоставивъ ему какъ вы-

боръ лицъ, завѣдующихъ сборомъ въ каждомъ отдѣльномъ приходѣ, и сборщиковъ въ каждомъ храмѣ, такъ и установленіе всѣхъ ближайшихъ подробностей этого дѣла. Сообщая о семъ Вашему Высокопреосвященству, имѣю честь, отъ имени Совѣта Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ Вашемъ милостивомъ и просвѣщенномъ содѣйствіи успѣшному осуществленію предполагаемаго церковно-кружечнаго сбора, служащаго однимъ изъ главныхъ источниковъ средствъ для содержанія учреждений Попечительства для слѣпыхъ и больныхъ глазами. При этомъ позволяю себѣ остановить вниманіе Вашего Высокопреосвященства на томъ обстоятельстве, что въ изъясненномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода не содержится какого-либо основанія для того, чтобы сборъ въ недѣлю о слѣпомъ не могъ быть допущенъ въ иныхъ, кромѣ городскихъ и монастырскихъ, церквахъ. Если же это такъ, то разрѣшеніе такого сбора должно зависѣть отъ Епархіальныхъ Преосвященныхъ. По изложеннымъ соображеніямъ, содѣйствіе Вашего Высокопреосвященства поставленной Попечительству высоко-человѣколюбивой цѣли могло бы выразиться такъ же въ томъ случаѣ, если бы Вы изволили признать возможнымъ разрѣшить церковно-кружечный сборъ въ теченіе недѣли о слѣпомъ, по соглашенію съ г. Уполномоченнымъ Попечительства, хотя бы въ нѣкоторыхъ церквахъ, расположенныхъ въ посадахъ, мѣстечкахъ или большихъ селахъ“, и 2) послѣдовавшую на означенномъ отношеніи резолюцію Его Высокопреосвященства, отъ 13 марта сего года, слѣдующаго содержанія: „Въ Консисторію для соотвѣтствующихъ распоряженій по примѣру прежнихъ лѣтъ, съ предоставленіемъ Совѣту права на сборъ въ церквахъ, расположенныхъ въ посадахъ и большихъ селахъ“ — Приказали: О содержаніи отношенія Предсѣдателя Совѣта Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, съ послѣдовавшей на ономъ резолюціей Его Высокопреосвященства, дать знать причтамъ церквей, настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей С.-Петербургской Епархіи и завѣдующимъ часовнями, для должнаго исполненія, чрезъ напечатаніе въ „Извѣстіяхъ по С.-Петербургской Епархіи“, съ тѣмъ, чтобы: а) предъ началомъ сбора на слѣпыхъ священнослужители вкратцѣ разъясняли молящимся столь важное и истинно-христіанское значеніе его, б) въ

тѣхъ церквахъ, гдѣ въ составѣ причта имѣется болѣе одного священника, сборъ производился, по возможности, самими священнослужителями, и в) сборъ въ пользу слѣпыхъ производился, въ теченіе недѣли, и въ нѣкоторыхъ часовняхъ, привлекающихъ особенно много молящихся. Марта, 29 дня, 1902 г., за № 1903.

Опредѣленіе С.-Петербургской Духовной Консистоіи о церковномъ сборѣ на нужды Россійскаго Общества спасенія на водахъ, за № 2059.

По Указу Его Императорскаго Величества, 1 Экспедиція С.-Петербургской Духовной Консистоіи слушали: отношеніе Главнаго Правленія Императорскаго Россійскаго Общества спасенія на водахъ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ 30 марта 1902 года за № 702, въ коемъ, въ виду имѣющаго производиться въ православныхъ церквахъ столичныхъ и приморскихъ городовъ Россіи установленнаго опредѣленіемъ Св. Синода, однажды въ годъ, 9 мая, кружечнаго сбора пожертвованій на нужды Россійскаго Общества спасенія на водахъ, Главное Правленіе просить Его Высокопреосвященство сдѣлать распоряженіе о такомъ сборѣ пожертвованій 9 мая сего года въ церквахъ С.-Петербурга и приморскихъ городовъ Кронштадта, Петергофа, Ораніенбаума и Нарвы, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписать настоятелямъ церквей: 1) чтобы сборъ производился во всѣ службы праздника св. Николая чудотворца 9 мая, т. е. за всенощной, за утреней, ранней обѣдней (гдѣ эти службы бывають) и за поздней обѣдней; 2) чтобы священники, которые будутъ совершать церковныя службы, прочитывали молящимся предъ начатіемъ сбора, во время каждой службы, особо составленное на этотъ случай „поученіе“, которое въ необходимомъ количествѣ экземпляровъ будетъ доставлено настоятелямъ церквей въ С.-Петербургѣ распоряженіемъ Главнаго Правленія Общества, а для церквей городовъ Нарвы, Кронштадта и Петергофа въ С.-Петербургскую Духовную Консистоію, для разсылки по принадлежности; 3) чтобы, въ виду того обстоятельства, что сборъ въ пользу Общества разрѣшенъ лишь въ одинъ день въ году, таковой производился отдѣльно отъ дру-

гихъ сборовъ и притомъ ранѣ сихъ послѣднихъ, въ такое время церковныхъ службъ, которое настоятели церквей найдутъ удобнымъ, и чтобы, кромѣ обхода церквей во время службы, допущенъ былъ сборъ у церковныхъ дверей во время входа народа въ церковь, предъ началомъ службъ и во время выхода изъ церкви по окончаніи службъ, и 4) чтобы въ тѣхъ церквахъ, въ которыхъ для производста сбора найдутся желающіе изъ гг. членовъ Общества, лица эти были допущены безпрепятственно къ такому сбору и представленію собранныхъ денегъ въ правленіе Общества. Въ тѣхъ же церквахъ, для которыхъ такихъ желающихъ не найдется,—сборъ былъ бы произведенъ распоряженіемъ церковныхъ причтовъ на тарелки или въ кружки Общества, а куда таковыхъ не будетъ доставлено по затруднительности пересылки,—въ церковныя кружки или на блюда, по усмотрѣнію настоятелей церквей; 5) чтобы изъ тѣхъ церквей С.-Петербурга, въ которыхъ сборъ будетъ производиться распоряженіемъ церковныхъ причтовъ на тарелки или кружки Общества, кружки эти, съ переписаннымъ въ нихъ съ тарелокъ сборомъ, были доставлены въ одинъ изъ ближайшихъ послѣ 9 мая дней, съ довѣренными отъ причтовъ лицами, въ канцелярію Общества, помѣщающуюся на Садовой улицѣ въ Юсуповомъ саду, для вскрытія кружекъ и перечета находящихся въ нихъ денегъ, а изъ тѣхъ церквей С.-Петербурга, въ которыхъ сборъ будетъ произведенъ распоряженіемъ настоятелей церквей въ церковныя кружки или на блюда, какъ равно изъ церквей иногороднихъ деньги были доставлены въ главное правленіе Общества (по тому же адресу) при бумагахъ настоятелей церквей. На отношеніи семъ Его Высокопреосвященствомъ 1 апрѣля 1902 г. дана резолюція: „Въ Консисторію для надлежащихъ по примѣру прежнихъ лѣтъ распоряженій“. Приказали: Выслушавъ изложенное, Консисторія опредѣляетъ: о содержаніи отношенія главнаго Правленія Императорскаго Россійскаго Общества спасанія на водахъ и послѣдовавшей на немъ Архипасторской Его Высокопреосвященства резолюціи дать знать, для должнаго исполненія, причтамъ С.-Петербургскихъ церквей и церквей приморскихъ городовъ Кронштадта, Петергофа, Ораніенбаума и Нарвы, чрезъ напечатаніе настоящаго распоряженія въ „Извѣстіяхъ по С.-Петербургской епархіи“, съ препровожденіемъ въ церкви примор-

сихъ городовъ присланныхъ Обществомъ поученій и воззваній къ пожертвованіямъ, которыя должны быть вывѣшены 9 мая у входныхъ дверей храмовъ. Апрѣля 3 дня 1902 года, за № 2059.

О сборѣ въ пользу Ретенскаго мѣстнаго комитета Россійскаго Общества Краснаго Креста.

С.-Петербургская Духовная Консисторія симъ объявляетъ духовенству епархіальныхъ приходскихъ церквей С.-Петербурга, Кронштадта, Ораніенбаума, Царскаго Села, Гатчины и Петергофа, что Епархіальнымъ начальствомъ разрѣшено Ретенскому мѣстному комитету Россійскаго Общества Краснаго Креста произвести сборъ пожертвованій въ означенныхъ церквахъ, въ воскресенье 12-го мая сего года, на постройку новаго зданія для бесплатной амбулаторіи, состоящей въ вѣдѣніи комитета. Апрѣля 3 дня 1902 года, за № 2054.

Опредѣлены на священническія вакансіи: къ церкви Императорской академіи художествъ діаконъ той же церкви **Петръ Любимовъ**, 2 апрѣля; къ церкви больницы Св. Ольги, въ г. С.-Петербургѣ, діаконъ на псаломщической вакансіи Скорбященской, что за Литейнымъ дворомъ, церкви, въ г. С.-Петербургѣ, **Алексѣй Перловъ**, согласно прошенію, 4 апрѣля; къ Скорбященской церкви при пріютѣ для дѣтей калѣкъ и паралитиковъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ въ г. С.-Петербургѣ, заштатный священникъ Новопятницкой церкви Ямбургскаго уѣзда, **Александръ Тихомировъ**, согласно прошенію, 3 апрѣля.

Опредѣлены на псаломщическія вакансіи: къ Видонской церкви, Лужскаго уѣзда, сынъ умершаго псаломщика Гагринской церкви, того же уѣзда, **Василій Сельскій**, согласно прошенію 1 апрѣля; къ Петропавловской церкви Гатчинскаго Дворцоваго госпиталя, прикомандированный къ церкви Л.-Гв. Финляндскаго полка, діаконъ **Владиміръ Тимоѣевъ**, согласно прошенію, 30 марта.

Перемѣщены псаломщики: церкви Преображенія Господня, что въ селеніи Императорскаго Фарфороваго завода **Николай Казан-**

скій и Цареконстантиновской церкви, при С.-Петербургскихъ Градскихъ богадѣльняхъ Симеонъ **Олленовскій**, одинъ на мѣсто другого, согласно ихъ прошенію, 1 апрѣля.

Уволенъ за штатъ, по болѣзни, псаломщикъ Петропавловской церкви Гатчинскаго Дворцоваго госпиталя Александръ **Бѣльскій**, 30 марта.

Уволенъ съ отпускъ священникъ Воскресенскаго всѣхъ учебныхъ заведеній собора въ г. С.-Петербургѣ, Александръ **Поповъ**, съ 1 апрѣля по 1 іюня.

Уволенъ за штатъ діаконъ, на псаломщической вакансіи Сампсоновской, что на Рыборгской сторонѣ, церкви въ г. С.-Петербургѣ, Іоаннъ **Закдинскій**, согласно прошенію, 5 апрѣля.

Опредѣленъ на псаломщическую вакансію къ Сампсоновской, что на Выборгской сторонѣ, церкви, въ г. С.-Петербургѣ, окончившій курсъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи Александръ **Лебедевъ**, согласно прошенію, 5 апрѣля.

Перемѣщенъ на діаконскую вакансію къ Нарвскому Преображенскому собору діаконъ Кейкинской Петропавловской церкви, Ямбургскаго уѣзда, Петръ **Смилкшаянъ**, согласно прошенію, 5 апрѣля.

Утверждены на слѣдующее трехлѣтіе составы приходскихъ попечительствъ при церквяхъ: Мотоховской Предтеченской, Новоладожскаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ священника сей церкви Николая **Листова**, 29 марта, и при Гагринской Успенской церкви, Лужскаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго священника Андрея **Суданова**, 1 апрѣля; при Вменьской церкви, Лужскаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ крестьянина деревни Низовъ Максима **Сетюгина** и при Тюнево-Посадской церкви, Новоладожскаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго священника Іоанна **Матова**, 1 апрѣля; къ Таицкой Александроневской церкви, Царскосельскаго уѣзда, крестьянинъ Семень **Ивановъ Зиминъ** на 1-е трехлѣтіе, 1 апрѣля.

Утверждены въ должности старостъ: къ Тюнево-Посадской Петропавловской церкви Новоладожскаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй Николаевъ **Никифоровъ** на 1-е трехлѣтіе, и къ Муринской Екатерининской церкви, С.-Петербургскаго уѣзда, крестьянинъ Михаилъ **Ивановъ Мельниковъ** на 2-е трехлѣтіе, 1 апрѣля.

Къ Скорбященской церкви, что при приютѣ дѣтей калѣкъ и паралитиковъ въ С.-Петербургѣ, крестьянинъ Иванъ **Семеновъ**

Семеновъ на 1 трехлѣтіе 6 апрѣля; къ Воскресенской церкви Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, въ С.-Петербургѣ, С.-Петербургскій купецъ **Яковъ Рожковъ**, на 1-ое трехлѣтіе, 8 апрѣля; къ Свято-Троицкой церкви Никольско-Сельскаго погоста, Новоладожскаго уѣзда, крестьянинъ **Иванъ Ефимовъ Ефимовъ** на 1 трехлѣтіе, и къ Успенской Сельской церкви, того же уѣзда, Новоладожскій 2 гильдіи купецъ **Василій Ивановъ Каянинъ** на 7 трехлѣтіе, 5 апрѣля; къ Пелинской Іоанновской церкви, Шлиссельбургскаго уѣзда, крестьянинъ **Иванъ Константиновъ Сазоновъ** на 2 трехлѣтіе, 4 апрѣля.

СПИСОКЪ

священнослужителей, назначенныхъ, по опредѣленію С.-Петербургскаго Епархіальнаго Начальства, отъ 19 марта — 4 апрѣля 1902 года, за № 312, для совершенія молитвословій и веденія религіозно-нравственныхъ бесѣдъ съ заключенными въ арестантскихъ камерахъ при полицейскихъ домахъ въ гор. С.-Петербургѣ.

I. Адмиралтейская часть.

1. Протоіерей Сенатской церкви **Алексій Васильевъ**.
2. Священникъ церкви въ домѣ Градоначальника **Владиміръ Покровскій**.
3. Священникъ церкви при Государственномъ контролѣ **Николай Семеновъ**.
4. Діаконъ Синодальной церкви **Василій Исполатовъ**.

II. Александро-Невская часть.

1. Священникъ Борисоглѣбской церкви **Александръ Красовъ**.
2. Той-же церкви священникъ **Михаилъ Ребезовъ**.
3. Крестовоздвиженской, что въ Ямской церкви, священникъ **Поліевктъ Соболевъ**.
4. Священникъ Входеоіерусалимской Знаменской церкви **Александръ Соколовъ**.
5. Той-же церкви священникъ **Алексій Митропольскій**.

III. Васильевская часть.

1. Священникъ Смоленско-кладбищенской церкви Евгеній Рахманинъ.
2. Той-же церкви священникъ Алексій Измайловъ.
3. Священникъ Андреевскаго собора Андрей Нумеровъ.
4. Священникъ Благовѣщенской Васильеостровской церкви Василій Дурневъ.
5. Священникъ Екатерининской Васильеостровской церкви Леонидъ Тихомировъ.

IV. Выборгская часть.

1. Священникъ Спасобочаринской церкви Иоаннъ Соколовъ.
2. Священникъ Предтеченской церкви Общества распространения религиозна-нравственнаго Просвѣщенія Иоаннъ Альбовъ.
3. Священникъ Сампсоновской церкви Иоаннъ Острогорскій.
4. Священникъ при богадѣльнѣ Тименкова-Фролова Алексій Малининъ.

V. Казанская часть.

1. Вознесенской церкви, что въ Адмиралтейскихъ слободахъ, протоіерей Александръ Черенскій.
2. Той же церкви священники Павелъ Виноградовъ и Алексій Максимовъ.
3. Казанскаго собора протоіерей Николай Головинъ.

VI. Коломенская часть.

1. Покровско-Коломенской церкви священники: Василій Анимовъ и Алексій Положинцевъ.
2. Воскресенской Малоколоменской церкви священники Николай Изборскій и Димитрій Стефановичъ.

VII. Литейная часть.

1. Пантелеймоновской церкви протоіерей Александръ Маляревскій.
2. Симеоновской, что въ Моховой улицѣ, церкви священники Александръ Косухинъ и Михаилъ Каменниковъ.

VIII. Московская часть.

1. Владимірской церкви священники: Павелъ Кедринскій и Михайлъ Смирновъ.

2. Женской Обуховской больницы священникъ Николай Боротинскій.

3. Церкви 1 классической гимназіи протоіерей Ксенофонтъ Виноградовъ.

IX. Нарвская часть.

Екатерининской Екатерингофской церкви священники: Антоній Федотовъ и Николай Бѣльскій.

3. Митрофановско-кладбищенской церкви священники: Андрей Бурговъ и Стефанъ Чернявскій.

X. Петровскій домъ.

1. Спасо-Преображенской Колтовской церкви священникъ Владиміръ Галкинъ.

2. Троицкаго, на Петербургской сторонѣ, собора священникъ Петръ Масловъ.

3. Матеіевской, на Петербургской сторонѣ, церкви священникъ Владиміръ Каменевъ.

XI. Рождественская часть.

1. Смольнаго Воскресенскаго собора священникъ Θεодоръ Никифоровскій.

2. Христорождественской Песковской церкви священники: Георгій Полянскій и Николай Удальцовъ.

3. Церкви Меѳодіевскаго, что на Пескахъ, пріюта священникъ Петръ Кремлевскій.

XII. Спасская часть.

1. Спасосѣнновской Успенской церкви священники: Евгений Кондратьевъ, Сергій Орловъ и Константинъ Носовъ.

2. Церкви Министерства Народнаго Просвѣщенія протоіерей Θεодоръ Левашевъ.

3. Церкви Театральной дирекціи священникъ Василій Пигулевскій.

Съ утвержденія Его. Высокопреосвященства указомъ С.-Петербургской Духовной Консисторіи 1-го февраля сего года за № 620 учрежденъ Комитетъ для сооруженія при Смоленско-кладбищенской церкви „Дома Трудолюбія“ въ память рабы Божіей Ксеніи для бѣдныхъ женщинъ духовнаго званія, а равно для изысканія средствъ на содержаніе его и для составленія устава дома и порядка завѣдыванія имъ; Комитетъ состоитъ: изъ Предсѣдателя Пантелеймоновской церкви протоіеря В. І. Перетерскаго; членовъ: Смоленско-кладбищенской церкви протоіерея А. І. Сперанскаго, Входеоіерусалимской Знаменской церкви священника Е. П. Аквилонова, Благовѣщенской, Васильеостровской церкви священника В. І. Дурнева, Крестовоздвиженской Ямской церкви священника А. М. Иванова, Смоленско-кладбищенской церкви священника В. А. Кляровскаго и церковнаго старосты Смоленско-кладбищенской церкви М. Ѳ. Крутикова. Для составленія плана дома и производства постройки Комитетомъ приглашены техникъ А. А. Поликарповъ и для высшаго надзора за постройкой архитекторъ В. А. Демяновскаго.

У Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго по примѣру прошлыхъ лѣтъ во время праздника Пасхи приѣма для „поздравленій не будетъ.“

Слѣдующій номеръ „Извѣстій“ (двойной) выйдеть послѣ 8-го Мая.

Отголоски жизни.

Что семейная жизнь давно уже утратила у насъ свою прежнюю нравственную крѣпость, — это становится общимъ убѣжденіемъ и всеми признаннымъ фактомъ. Семья, дѣйствительно, расшатана въ самыхъ основахъ. Развратъ своимъ растлѣвающимъ вліяніемъ коснулся и этой святыни. Не только въ высшее общество, но и въ среду народную начинаютъ проникать у насъ взгляды на легкость и свободу брачныхъ союзовъ. Отношенія между членами семьи также постепенно теряютъ свой истинно-христіанскій характеръ. Словомъ, старозавѣтный крѣпкій строй семьи, замѣтно, разлагается. Художественная литература, являющаяся отображеніемъ общественнаго міропониманія и его нравственныхъ устоевъ, даетъ намъ яркіе образы того, какъ все больше и больше подгниваетъ семья — этотъ корень общественнаго организма. А отдѣлы судебныхъ хроникъ въ нашихъ газетахъ наполнены такими сообщеніями, которыя приводятъ въ искренній ужасъ даже благодушно настроеннаго читателя. И вотъ недавно въ залахъ нашихъ столичныхъ окружныхъ судовъ развернулись предъ нами еще двѣ мрачныхъ картинки изъ области семейныхъ нравовъ. Въ Петербургскомъ судѣ на дняхъ слушалось дѣло Демцова и Комп., въ которомъ, по выраженію одной газетной замѣтки, „выкладывалась наружу интимная жизнь отцовъ“; а почти одновременно въ Московскомъ окружномъ судѣ шло другое довольно громкое дѣло Василевичъ-Вырвичъ: здѣсь раскрывалась интимная жизнь дѣтей. Кто изъ нихъ

кого превзошелъ,— сказать трудно. Но особенно поразительнымъ является здѣсь совпаденіе вкусовъ обоихъ поколѣній,— стараго и молодого. И отцы, и дѣти, оказывается, отличаются одинаковымъ пристрастіемъ къ незаконнымъ связямъ и возмутительно грубымъ отношеніямъ къ женщинѣ. Представитель „отцовъ“, не стѣсняясь законной супругой, завелъ въ уѣздномъ городѣ цѣлый гаремъ; въ числѣ прочихъ попала сюда и одна соблазненная имъ крестьянская дѣвушка, ставшая вполнѣдствіи матерью его сына и наслѣдника, который на дняхъ и возсѣдалъ на скамьѣ подсудимыхъ, въ качествѣ обвиняемаго въ подговорѣ къ лжесвидѣтельству.

Въ дѣлѣ Василевичъ - Вырвичъ мы встрѣчаемся съ представителемъ другого поколѣнія—дѣтей. „Онъ“, повидимому, и образованный бы человекъ,— студентъ Московскаго университета... Но университетское образованіе не наложило на него своей облагораживающей печати; оно не стерло въ немъ той нравственной нечистоплотности, которая къ лицу только совсѣмъ потерянному пошляку. Даже его собственные товарищи, вообще, всегда снисходительные въ оцѣнкѣ проступковъ молодости, и тѣ обвиняли его „въ легкихъ взглядахъ на отношеніе къ женщинамъ вообще и въ проживаніи на счетъ имъ же обманутой и потомъ покинутой дѣвушки“.

Сопоставляя оба поколѣнія, отцовъ и дѣтей, не знаешь, кому изъ нихъ отдать пальму первенства?! Но при этомъ невольно вспоминается русская поговорка, въ которой народная мудрость отмѣтила замѣчательно вѣрное наблюденіе: „яблочко отъ яблонки не далеко падаетъ“. Дѣйствительно, здѣсь высказана глубокая правда, которой оба печальныя явленія поставлены въ непосредственную связь. Отцы,—вѣдь это строители семьи, охранители того священнаго питомника, въ которомъ зрѣетъ русская

мысль, слагается и крѣпнеть русское чувство и вообще воспитывается русскій человѣкъ.

Можетъ-ли правильно расти и развиваться ребенокъ, если кругомъ его воздухъ зараженъ зловоніемъ, и если онъ не пользуется надлежащимъ уходомъ? Конечно, ростъ ребенка затянется, пріостановится, его развитіе будетъ неполнымъ. Нужна извѣстная сумма внѣшнихъ благоприятныхъ условій, въ которой бы маленькій организмъ могъ постепенно набираться силъ и крѣпнуть. Тоже и въ области духовнаго роста. Если нравственная атмосфера семьи заражена соблазнительнымъ примѣромъ отца, если въ ней нѣтъ того, что питаетъ сердце и даетъ хорошее направленіе уму, то душа ребенка погибнетъ здѣсь или замретъ, какъ замираетъ растеніе безъ воздуха, теплоты и свѣта. Продуктомъ такой семьи и являются обыкновенно дѣти, которыя стараются превзойти неправду своихъ отцовъ. За человѣка, за будущность нашего общества становится страшно, когда слышишь или читаешь, что изъ современной семьи начинаютъ выходить вотъ такія „порожденія ехиднины“ (Мѡ. 3, 7)...

Полюбуйтесь: предъ нами юноша, Александръ Каръ. Это худощавый молодой человѣкъ, съ зауряднымъ, блѣднымъ поношеннымъ лицомъ и съ безпокойно бѣгающими глазами. Онъ не безъ образованія: учился въ частномъ реальномъ училищѣ и окончилъ тамъ курсъ. Ему всего 20 лѣтъ, но онъ уже имѣетъ за собой громкое дѣло, которое недавно, 30-го Марта, слушалось въ Московскомъ окружномъ судѣ. На скамью подсудимыхъ его привело ни болѣе, ни менѣе, какъ убійство матери и двухъ сестеръ, изъ которыхъ одной было 18, а другой 7 лѣтъ. Въ своихъ показаніяхъ въ качествѣ мотива, толкнувшаго его на это страшное дѣло, преступникъ указывалъ на желаніе освободиться отъ родительской

опеки, сдѣлаться самостоятельнымъ человѣкомъ и жениться на дочери одного ростовщика, присужденнаго за свой преступный промыселъ къ тюремному заключенію. Эта привязанность не помѣшала однако Кару вступить одновременно въ преступную связь съ горничной и еще съ какой-то особой. Кромѣ того, какъ было установлено свидѣтельскими показаніями, онъ любилъ хорошо одѣваться, посѣщалъ танцклассы и неоднократно обкрадывалъ своихъ родныхъ. Картина преступленія, особенно въ довольно подробномъ разказѣ о немъ самого убійцы, выходитъ вмѣстѣ и ужасной, и отвратительной. Орудіе убійства — топоръ. Первый ударъ нанесенъ былъ матери сзади. Въ это время сестры сидѣли въ другой комнатѣ у рояля. Онѣ такъ ушли въ свое дѣло, что не слышали, какъ подкрался къ нимъ братъ. Но вотъ, топоръ занесенъ надъ ихъ головами, и обѣ дѣвушки почти одновременно со стономъ повалились подъ ударами изверга...

„По плодамъ ихъ познаете ихъ“: если же таковы плоды современнаго воспитанія, то какова же самая среда, въ которой они зрѣютъ? Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ принято обвинять школу, принято говорить объ отсутствіи въ ней воспитывающаго начала. Но одна школа въ дѣлѣ воспитанія безсильна. Она не располагаетъ тѣмъ богатствомъ средствъ для широкаго и свободнаго вліянія, которое находится всегда въ распоряженіи правильно поставленной, благоустроенной семьи. Поэтому, поднять и освѣжить семью благодатнымъ духомъ заповѣдей Христовыхъ, — вотъ самая насущная потребность нашего времени! Воздухъ застоялся, сперся, душно стало въ семьѣ. Скорѣе дайте притокъ сюда свѣжаго воздуха, дайте доступъ благотворному воздѣйствію Церкви. Это — великая возрождающая сила. Она вдохнетъ новую жизнь въ падающую семью, ибо назначеніе ея: — обновлять и

оживлять. Еще прославленный писатель говорилъ: „въ Церкви заключено все, что нужно для жизни истинно-русской во всѣхъ ея отношеніяхъ, начиная отъ государственнаго до простаго семейственнаго, всему настрой, всему направленіе, всему законная и вѣрная дорога“.

А другъ Гоголя, извѣстный Шевыревъ, замѣчалъ: „въ христіанской Руси семейная жизнь.... находилась болѣе подъ вѣдѣніемъ Церкви, нежели законовъ“.

Итакъ, если мы хотимъ охранить нашъ русскій семейственный бытъ отъ окончательнаго разложенія, которое уже началось въ немъ, то должны стать ближе къ Церкви: пусть ея вліяніе широкими потоками разбѣгается по русскимъ семьямъ и всюду вноситъ съ собой новую, оздоравливающую струю жизни! Тогда злу положены будутъ твердые предѣлы!

С. П. Миртовъ.

О чемъ пишутъ.

Способы борьбы съ расколомъ.

(Вѣстникъ Европы, апрѣль 1902 г.).

Въ одной изъ провинціальныхъ газетъ („Ураль“) появилась недавно замѣчательная записка пермскаго миссіонера, о. протоіерея Луканина, поданная имъ оберъ-прокурору Св. Синода, гр. Д. А. Толстому, въ 1880 г. „Расколь“ — читаемъ мы здѣсь — „никогда не былъ бы для церкви опасенъ, если бы православное духовенство съ достоинствомъ пользовалось въ отношеніи врачеванія своего больного чело­вѣка законными и естественными мѣропріятіями, т.-е. дѣйствовало на него своимъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Но, къ сожалѣнію, духовенство въ большинствѣ случаевъ и искони, начиная иногда съ высшихъ и до низшихъ, принималось, — при воспитаніи

своихъ больныхъ чадъ, далеко не за духовные мѣры, способы и средства, — потому что въ должныхъ и желательныхъ, по собственному своему невѣжеству, было не искусно, — а за противоестественные, полицейскіе и даже хуже — инквизиціонные“. Интереснѣйшую иллюстрацію къ вопросу о томъ, какой образъ дѣйствій наиболее цѣлесообразенъ по отношенію къ отпадшимъ отъ православія, мы находимъ въ чердынской корреспонденціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 70). Въ началѣ прошлаго вѣка жители сѣверныхъ, глухихъ волостей чердынскаго уѣзда (пермской губерніи) — Корепинской и Тулпанской — были всѣ безъ исключенія православные, хотя тамъ не было ни одной православной церкви. Въ тридцатыхъ годахъ стали появляться отдѣльные случаи обращенія въ расколъ, вслѣдствіе чего въ с. Корепинѣ, при дѣятельномъ участіи мѣстнаго населенія, была построена церковь. Расколъ, тѣмъ не менѣе, распространился, и вскорѣ обѣ названныя волости сдѣлались всецѣло раскольническими. Объясняется это тѣмъ, что хорошіе священники не соглашались ѣхать въ такую глушь, да и въ глазахъ начальства назначеніе туда представлялось иногда чѣмъ-то въ родѣ наказанія. Первые священники въ с. Корепинѣ не только чистотой, но и простой порядочностью жизни не отличались, и примѣромъ для подражанія ни въ какомъ случаѣ служить не могли. До сихъ поръ хранится память объ о. Никитѣ, жившемъ въ Корепинѣ въ 60-хъ или 70-хъ годахъ и смотрѣвшемъ на свое мѣсто исключительно, какъ на кормленье. Вѣнчанье, напримѣръ, происходило у него такъ: придуть брачущіеся въ сторожку, запишутся въ книгу, заплатятъ о. Никитѣ и уйдутъ обратно. Лѣтъ десять тому назадъ отъ громаднаго корепинскаго прихода былъ отдѣленъ тулпанскій, въ которомъ сначала не было даже постоян-

ной церкви; была походная, миссіонерская, въ дер. Петрецової. Въ эту временную церковь назначенъ былъ священникомъ о. Гавріиль Чашихинъ, человекъ, видѣвшій въ своемъ служеніи въ Тулпанской волости великую миссію. Пріѣхавъ въ Тулпанскую волость, онъ не ограничился службой въ церкви разъ въ недѣлю, да сборами весенней и осенней руги, а сейчасъ же началъ сближаться съ народомъ, изучать его нужды и по возможности, не навязываясь, удовлетворять ихъ. Онъ предпринялъ рядъ поѣздокъ по громадной волости, знакомился съ мужиками, ихъ семьями, исполнялъ ихъ мелкія порученія, писалъ прошенія, письма и вообще сдѣлался крайне необходимымъ въ волости человекомъ. Сначала о. Гавріиль какъ бы и вниманія не обращалъ на религіозныя убѣжденія тулпанцевъ. Раскольники перестали смотрѣть на него враждебно, потомъ стали его цѣнить, затѣмъ полюбили до того, что о. Гавріиль сталъ вездѣ желаннымъ гостемъ. Въ концѣ концовъ у многихъ явилось желаніе посмотрѣть, какъ служить о. Гавріиль въ своей церкви. И служеніе церковное о. Гавріила понравилось: служилъ онъ истово, не торопился, каждое слово можно было разобрать. Жизнь велъ о. Гавріиль праведную. Первый шагъ, самый трудный, былъ сдѣланъ. Затѣмъ о. Гавріиль досталъ всѣ раскольничьи книги, рукописи и пр., изучилъ ихъ и оказался совершенно въ курсѣ дѣла. Дѣйствовалъ онъ психологически: хорошо знакомый съ каждымъ мужикомъ, онъ зналъ, чѣмъ каждому взять и, въ концѣ концовъ, добился того, что въ воскресеніе церковь была полна народу; къ нему начали возить крестить и хоронить, начали ѣздить вѣнчаться. Такъ происходило постепенное пріобщеніе отпавшихъ чадъ въ лоно православной церкви, но... произошло какое-то недоразумѣніе изъ-за иконы съ духовнымъ на-

чалствомъ, и о. Гавріила перевели въ другой приходъ въ томъ же уѣздѣ. Теперь служить на мѣстѣ о. Гавріила человѣкъ совершенно другого склада. Интересуясь расколомъ, корреспондентъ „Спб. Вѣдомостей“ спросилъ у него про его прихожанъ, про расколъ вообще, — и не только не узналъ отъ него ничего новаго, но въ нѣкоторыхъ вопросахъ оказался освѣдомленнѣе его, хотя онъ и служить въ исключительно раскольнической волости скоро три года. „Только бы вытянуть мнѣ обязательный срокъ службы здѣсь, а тамъ въ переводку!“ — сказалъ батюшка (въ переводку, конечно, на хлѣбное мѣсто). Раскольники, по его собственнымъ словамъ, относятся къ нему враждебно, не исполняютъ никакихъ требъ, не пускаютъ его съ крестомъ и, главное, не хотятъ платить руги. Отъ дѣятельности о. Гавріила не осталось и слѣда; опять тулпанскіе раскольники далеки отъ того, чтобы присоединиться къ православію. За то теперь чаще, чѣмъ при о. Гавріилѣ, ѣздятъ въ Тулпанскую волость съ Волги раскольничьи начетчики... Трудно представить себѣ что-либо болѣе краснорѣчивое, чѣмъ эти факты: они говорятъ сами за себя и не требуютъ комментарій.

Что говорятъ прихожане.

II.

— И, знаете, какъ противно смотрѣть на все это!.. Никакъ не могу примириться съ тою мыслию, что все это естественно и непредосудительно.

— Ужъ и не говорите, Владиміръ Ѳедоровичъ! Я вотъ скажу про себя: вѣдь самъ я, какъ вамъ извѣстно, изъ духовнаго сословія; родился, росъ и воспитывался въ этихъ условіяхъ; а какъ увижу нашего отца Петра

или отца діакона, развѣзжающими по дворамъ, ради сбора разной провизіи, какъ увижу ихъ въ этомъ, такъ называемомъ, поборѣ, ну просто съ души воротить!.. противно какъ-то становится... и жалко... и досадно...

— И какъ это опошляетъ людей! Я, напримѣръ, зналъ одного священника... Прекраснѣйшій былъ человѣкъ, когда только что поступилъ на приходъ: образованный, благородный, преданный своему дѣлу до послѣдней степени; религіозный до самоотверженія, до готовности умереть за Христа, за Церковь... Я помню, какъ мы, бывало, цѣлыя ночи напролетъ спорили съ нимъ на религіозныя темы, когда мы еще были съ Андреемъ Ивановичемъ студентами. Бывало всѣ науки переворочаемъ, всю философію, метафизику, соціологію, политическую экономію, — нѣтъ не собьешь: твердъ нашъ отецъ Парфеній, какъ камень! Мы считали себя народниками, — тогда на это мода была, — такъ онъ и народничеству нашему далъ самый истинный смыслъ и направленіе. Однимъ словомъ, это былъ священникъ не заурядный; изъ него могъ бы получиться свѣтильникъ, апостоль Русской Церкви. Такъ мы тогда всѣ о немъ и думали. Такъ смотрѣлъ на него и самъ преосвященный. Но, вѣрите-ли? Черезъ какихънибудь восемь—десять лѣтъ отъ этого идеальнаго отца Парфенія осталась одна жалкая тѣнь!.. Распился, разлѣнился, опустился, погрязъ въ мелочи, въ грошевые интересы жизни... Просто ужасъ, что такое!.. Когда мы, спустя десять лѣтъ, повстрѣчались съ нимъ, — я чуть ни заболѣлъ съ тоски да съ жалости!.. Узнать было невозможно!..

— Что съ вами, говорю, отецъ Парфеній?!

Онъ сначала сдѣлалъ видъ, будто не понимаетъ меня.

— Ничего, говоритъ, все то жъ...

— А потомъ вдругъ, знаете, этакъ какъ будто вздрогнулъ, да какъ бросится мнѣ на шею, да какъ зары-

даетъ!.. Понимаешь-ли?.. это — тотъ самый апостоль-священникъ, который десять лѣтъ назадъ вложилъ намъ съ Андреемъ Ивановичемъ въ душу истинное міропониманіе, зажегъ искру Божию!.. Можете себѣ представить?! рыдаетъ, какъ беспомощный ребенокъ!.. Говорить: простите меня... поддержите меня!.. Ну и рассказалъ мнѣ всю трагедію своей жизни. Приходъ, куда онъ былъ назначенъ, считался однимъ изъ бѣдныхъ въ уѣздѣ. Земли 33 десятины на весь причтъ, но она, по своей неудобности, приносила отцу Парфенію годового дохода всего-на-всего около 30 р.; кружка ему давала рублей 30—40, и больше никакихъ доходовъ. Жену взялъ себѣ изъ бѣдной семьи; у самого, кромѣ долговъ и престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду родителей, ничего не было. Съ теченіемъ времени стали рождаться дѣти.. Нужды матеріальныя все росли и росли... Какъ тутъ жить?.. А въ поборъ идти стыдно. Чтобы, говорить, вмѣстѣ съ нищими ходить по дворамъ и выпрашивать лепешки да порціи зерна, какъ милостыню! И у кого же? у нищихъ же! ни за что!.. Лучше умру отъ голода, а побираться не стану!..

Однако, съ одной стороны нужда, а съ другой — ропоть и жалобы прочихъ членовъ причта и родныхъ взяли свое... Отецъ Парфеній пошелъ въ поборъ... Сперва, было, затосковалъ, заболѣлъ, приходилъ въ отчаянье... А потомъ мало-по-малу началъ свыкаться, втягиваться. А чтобы укоры совѣсти были не такъ ощутительны, сталъ выпивать... И такъ шло все дальше и дальше...

— И чѣмъ же кончилось?

— А кончилось тѣмъ, что въ настоящее время несчастная вдова, жена-то покойнаго о. Парфенія, съ четырьмя маленькими дѣтьми бѣдствуетъ и бьется, какъ рыба объ ледь...

— А онъ, такъ и умеръ?

— Да, такъ и умеръ. Не перенесъ... Отъ чахотки скончался... Въ послѣднихъ градусахъ я пользовалъ его... Передъ самой смертью, терзаясь въ приступѣ удушья, прохрипѣлъ:

— Я хотѣлъ горѣть передъ Богомъ, какъ свѣча!.. Хотѣлъ служить Ему до послѣднихъ силъ!.. Но... но ужасныя условія жизни... житейская обстановка... чрезмѣрная забота о кускѣ хлѣба... способъ добыванія пропитанія... это все — смяло, стерло, уничтожило меня!.. Молитесь обо мнѣ... Молитесь, чтобы все это измѣнилось... скорѣе, какъ можно скорѣе... чтобы люди не гибли... свѣтильники не гасли!..

И съ этими словами самъ угасъ на вѣки.

— Да, дѣйствительно, картина мрачная!.. положеніе тяжелое!.. И вотъ, что весьма удивительно: вѣдь, какъ все это упорно держится; словно заколдовано! Сколько пишутъ, говорятъ, толкуютъ,— а все напрасно, все остается по старому! Скажите, пожалуйста, что за причина такой косности, такого упорства? Неужели такъ трудно измѣнить, улучшить, устранить эти нищенскіе поборы, это ужасное униженіе человѣческаго достоинства, священнаго христіанскаго сана?

— А что вы подѣлаете?

— Какъ что? Помилуйте, да мало ли что можно подѣлать? Ну, назначить опредѣленное жалованье... и прочее ..

— Хорошо-съ. Откуда же жалованье взять-то? Изъ казны? А сосчитайте-ка, какая сумма вдругъ понадобится!.. Это во-первыхъ... А во-вторыхъ: спросите-ка у отцовъ духовныхъ, всѣ ли они согласятся разстаться съ этими поборами да добротными даяніями?... Вѣдь я вамъ сказалъ, что это ужасно опощляетъ человѣка. А разъ человѣкъ опощился,— у него уже одна мысль: какъ можно побольше взять. Ну, и берутъ многіе, и наживаются. Хотя въ то же время другіе, лучшіе люди, бѣдствуютъ, мучаются...

— И какимъ это пятномъ ложится на нашу церковно-общественную жизнь, на наше духовенство!.. Вотъ мы, напимѣръ, съ вами—люди интеллигентные: вы—врачъ, я—земскій дѣятель и землевладѣлецъ. У насъ есть желаніе вѣровать, быть, такъ сказать, на лонѣ нашей Церкви, подъ руководительнымъ началомъ нашихъ пастырей духовныхъ, особенно въ наше тревожное время, время всякихъ сомнѣній и колебаній. Но вѣдь эта внѣшняя грязь, эта жизненная отвратительная обстановка нашего духовенства отталкивающе дѣйствуетъ на душу, претитъ, заставляетъ насъ держаться дальше отъ него, а стало быть и отъ Церковной жизни... Такимъ образомъ возникаетъ религіозный индифферентизмъ, ослабленіе вѣры... а затѣмъ ужъ не далеко и до отпаденія, что и замѣчается въ настоящее время!.. Вѣдь это ужасно!..

— Позвольте перебить васъ на минутку, господинъ земскій дѣятель, обратился съ нетерпѣливыми жестами къ говорившему одинъ изъ пассажировъ, сидѣвшихъ на противоположной скамѣ вагона.—Вы, вотъ, изволите возмущаться способомъ добыванія себѣ пропитанія нашего духовенства, и ваше негодованіе, конечно, законно. Но вѣдь кому, какъ не намъ съ вами должно быть прежде всего стыдно, что наше духовенство до сихъ поръ держится, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ?

— Виновать. Я васъ не совсѣмъ понимаю...

— Очень просто. Вы служите членомъ земской управы, а я—земскій гласный; работаемъ на одной нивѣ, только въ разныхъ уѣздахъ... Можно сказать, мы съ вами прихожане одного большого прихода—одной епархіи...

— Прекрасно-съ. Въ чемъ же, собственно, дѣло то?

— А вотъ видите ли, въ чемъ. Мы, земцы, въ настоящее время рѣшительно озабочены упорядоченіемъ всѣхъ сторонъ жизни народной: экономической, санитарно-

медицинской, умственной, нравственной и т. п. Вездѣ мы приходимъ на помощь, оказываемъ матеріальную и нравственную поддержку и проч. У насъ, напр., прекрасно обставлены теперѣ: школы, больницы, оспенные телятники; въ достаточной степени обезпечены учителя, врачи, фельдшера, агрономы, дорожные мастера и проч. Отчего же мы не хотимъ придти на помощь тамъ, гдѣ мы должны были бы прежде всего показать себя истинными общественными дѣятелями, истинными сынами своего православнаго отечества?

— Именно?

— Я говорю о томъ, почему земство, этотъ живой государственный организмъ, до сихъ поръ передъ православною Церковью, именно по отношенію къ ея требованіямъ и нуждамъ, представляется холоднымъ безжизненнымъ, а иногда даже и издающимъ зловоніе трупомъ? Я, напр., сколько разъ былъ свидѣтелемъ вопіющихъ курьезовъ на земскихъ собраніяхъ. Просятъ у земства денегъ на улучшение скота,—земство не отказываетъ; просятъ ассигновку на чествованіе французскаго путешественника — даютъ; ходатайствуютъ о пособіи мѣстному театральному кружку, — получаютъ... А попробуй лишь заикнуться священникъ объ оказаніи помощи храму, церковно-приходской школѣ, попечительству, — такъ, Боже мой! протесты со всѣхъ сторонъ!.. И ходатайство служителя Церкви Божіей проваливается!.. Послушайте, вѣдь это же возмутительно! это же ни съ чѣмъ несообразно! Мы готовы поддерживать всякую общественную чужь, прости Господи! А какъ коснется самага важнаго, такъ мы и отворачиваемся: „не наше“, говоримъ, „дѣло“... Какъ не наше? Наше! Тысячу разъ — наше!.. Если бы земскій врачъ или земскій народный учитель пошли по міру вмѣстѣ съ нищими выпрашивать себѣ милостыню для про-

питанія... допустили бы мы это? Нѣтъ! мы не позволили бы такого униженія и позора для нашихъ интеллигентныхъ работниковъ!.. А какъ же мы позволяемъ и равнодушно терпимъ этотъ позоръ для представителей нашей святѣйшей и чистѣйшей религіи?! Какъ можетъ оставаться спокойной наша общественная совѣсть, глядя на это непозволительное нищенство нашего духовенства, этихъ посланниковъ, представителей Божіихъ на землѣ, этихъ постоянныхъ ходатаевъ за насъ передъ Богомъ?! Или мы настолько одеревенѣли, присмотрѣлись ко всякимъ несообразностямъ жизни, настолько усыпили нашу совѣсть, что все это неспособно тронуть наши сердца, расшевелить нашъ умъ, разбудить наше чувство гражданскаго христіанскаго долга?! Вѣдь это же устранить, упорядочить, благородить—для земства такъ возможно, такъ легко!..

— Какъ же именно?

— Да очень просто. Земство можетъ, по соглашенію съ епархіальной властью, назначить духовенству определенное вознагражденіе, какъ оно назначаетъ врачамъ, фельдшерамъ, учителямъ и проч... Вотъ и вся мудрость. Вѣдь—это такъ просто, такъ ясно, такъ легко осуществимо!..

— Позвольте, какъ же это?... Развѣ возможно духовныхъ лицъ ставить въ одно положеніе, въ одни отношенія къ земству съ его служащими?..

— Въ какія отношенія? Отношеній это не касается. Это касается лишь способовъ обезпеченія нашихъ народныхъ тружениковъ...

— Да вѣдь они служатъ не земству...

— Да, они служатъ Церкви, народу. Но вѣдь нравственная и законная обязанность земства — улучшать условія служителей Церкви, народа, общества; облегчать бытовья условія и самого народа, урегулировать и облег-

чать его платежныя повинности... Въдъ земство въ данномъ случаѣ явится лишь разумнымъ благодѣтельнымъ посредникомъ въ денежныхъ счетахъ народа съ его пастырями. Оно ничего отъ себя не прибавитъ. Оно тѣ же деньги соберетъ въ видѣ земскихъ повинностей, и притомъ соберетъ равномерно, справедливо, строго-законно со всѣхъ обывателей (съ богатыхъ больше, съ бѣдныхъ меньше), и вручитъ ихъ съ подобающимъ приличіемъ (не при исповѣди, не при похоронахъ и крестинахъ, не при исполненіи и совершеніи священныхъ таинствъ Церкви, богослуженій и требъ, а обычнымъ порядкомъ, какъ получаютъ во всѣхъ благоустроенныхъ учрежденіяхъ средства на содержаніе и вознагражденіе за труды духовнымъ лицамъ, трудящимся на нивѣ общеземскаго, общегосударственнаго, общехристіанскаго дѣла...

— Это, пожалуй, вѣрно вы говорите,—вмѣшался еще одинъ изъ пассажировъ, нѣсколько попроще первыхъ по костюму.—Лучше этого ничего нельзя и придумать. Просто, гора свалилась-бы съ нашей приходской совѣсти. Совсѣмъ другой-бы мы взглядъ имѣли на нашихъ отцовъ духовныхъ... Въдъ теперь просто мы другъ другу, словно враги!... Лицемѣріе одно... И никакъ сердца-то своего не умягчить... Вѣрите-ли? скажу откровенно, хочется со всяческимъ почтеніемъ къ отцу духовному, какъ повелѣвается въ законѣ Божіемъ,—а въ сердцѣ это не лежитъ, да и только!.. Онъ къ тебѣ ласково, ты къ нему ласково; а въ умѣ все мысль лукавая вертитъ: „это, молъ, онъ, чтобы побольше отъ тебя получить“... Въдъ вотъ грѣхъ-то какой!.. Даже, я вамъ скажу, въ проповѣдь народъ перестаетъ вѣрить! Станетъ священникъ говорить, увѣщевать, словомъ Божіимъ насъ усовѣщивать, чувства наши разогрѣвать, сердца умягчать... даже самъ проследится иной разъ!.. А насъ это какъ-бы нисколько не

касается; все думается: „ишь какъ чувствительно... а все къ тому, чтобы больше давали“... Просто даже иной разъ тоска одолѣваетъ отъ этихъ богопротивныхъ мыслей!..

— Вотъ видите. Сколько бы выиграли отъ этого нетруднаго нововведенія: и церковное дѣло, и народъ, и духовенство, и всѣ!..

— Да; это такъ, дѣйствительно, очевидно, что и возразить нечего...

— А, между тѣмъ, дѣло не двигается... Чѣмъ это объяснить?..

— Я думаю это можно объяснить еще и тѣмъ, что въ земствѣ слишкомъ слабое представительство отъ духовенства. Интересы духовенства, интересы религіи—очень огромны вездѣ, а въ земствѣ въ особенности; ихъ нужно упорно, крѣпко, самоотверженно отстаивать, а представительство, защита этихъ интересовъ въ нашемъ земствѣ просто мизерная.

— Совершенно вѣрно. Что можетъ сдѣлать одинъ, часто престарѣлый, священникъ среди 30—40 земскихъ гласныхъ, нечуждыхъ, по большей части, модныхъ анти-религіозныхъ тенденцій и теченій... Тутъ нужны ораторы духовные, борцы за святое дѣло... А не безгласные старцы...

Остановка поѣзда и поднявшаяся суэта выходящихъ пассажировъ прервала разговоръ.

Д. П. П—въ.

Редакторъ Священникъ *А. Рождественскій.*

Печатать разрешается 1-го Апрѣля 1902 года. Цензоръ, Инспекторъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи, Архимандритъ Веніаминъ.

Побранилъ онъ меня немного, что я привычку худую усвоилъ себѣ, а потомъ похвалилъ, что ни въ чемъ я себя отъ него не скрываю; „такъ легче мнѣ, и вдали я не буду болѣть за тебя, за твое поведеніе“, сказалъ. Прости меня, Господи, за эти сознательные и неомытые слезою покаянія и сокрушенія грѣхи! Много повиненъ я предъ Тобою, что зналъ, что худо, худое творилъ! Кончились выпускные экзамены, всѣ сдалъ хорошо. Хотѣлось-бы дальше поучиться. Способности есть. До Москвы и пѣшкомъ-бы добрель. Да средствъ нѣтъ на содержаніе, а житье тамъ дорогое,—куда какъ дороже Рязанскаго. Такъ и помирился съ мыслью гдѣ-нибудь хоть въ селѣ пристроиться и собственными средствами пополнить свое образованіе, книжнымъ путемъ удовлетворить свою жажду большого знанія. А родители уже безъ меня, заочно, рѣшили всю судьбу мою. Мать приглядѣла невѣсту богатую, скромную у о. Александра въ селѣ Сосновицахъ, съ мѣстомъ на 1,000 душъ, и съ домомъ, съ дворомъ и съ усадьбой, только съ условіемъ о. Александра до смерти кормить, содержать. Оставалось только меня привести въ домъ невѣсты и невѣсту мнѣ показать. Прихожу я домой. Встрѣтили родители, съ радости плачутъ. Отецъ, какъ на крыльяхъ. Мать всѣ глаза на меня проглядѣла. Дѣлятся со мною планомъ своимъ и удачею выбора. Погодите, говорю, дайте хоть мнѣ отдохнуть. Да вѣдь это, родимый, не трудное дѣло, прокатись, посмотри, погуляй тамъ. Не хочу я жениться, оставьте въ покоѣ меня; я учителя мѣсто искать себѣ буду. Горько тогда я обидѣлъ этимъ родителей, не того они ждали отъ меня, они ждали поддержки себѣ на старости лѣтъ. Эхъ, Леша, Леша, сказалъ отецъ, для того мы водою и хлѣбомъ питались, чтобы на старости съ голоду намъ умереть, да какъ зарыдаешь... и мать заплакала. Долго не могъ я ихъ утѣшить. Прости меня, Господи, за это юное, легкомысленное огорченіе изстрадавшагося сердца родительскаго! За хлѣбъ я ихъ камнемъ тогда напиралъ. Прошло двѣ недѣли. Вызываетъ меня благочинный. Хоть и не зналъ отецъ ничего худого за мною, а все же перепугался: небывалое дѣло, чтобы окончившихъ курсъ въ семинаріи благочинные вызывали къ себѣ повѣсткою. Запрягли вороную, поѣхали. Доложили

о. благочинному. Зоветь прямо въ горницу, просить сѣсть. Недоумѣваетъ отецъ, чтобы значила эта честь? и еереевъ-то не больно ласкалъ о. благочинный, когда по дѣлу у себя принималъ. Передаетъ мнѣ бумаги какія-то. Поздравляю, говоритъ, васъ назначили на казенный счетъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, и тебя поздравляю, Тимоѳеѣй Алексѣевичъ. Не выдержалъ отецъ, отъ радости зарыдалъ. Да что ты, Господь съ тобою, Тимоѳеѣй Алексѣевичъ! Тебѣ радоваться нужно, гордиться теперь, а главное Бога благодарить, а не плакать: не всякому счастье такое дается; ты понимаешь-ли, чѣмъ теперь отъ сына-то твоего пахнетъ?— либо въ профессора махнетъ, либо въ архіереи, тогда и тебя (шутя) да еще вмѣстѣ съ Прасковьей Васильевной въ настоятели монастыря произведетъ, а коли по священству пойдетъ, такъ невѣсту себѣ не чета нашимъ попадьямъ возьметъ а грудь всю крестами да орденами увѣшаетъ, началъ утѣшать о. благочинный. Да я такъ, ваше высокопреподобіе, ужъ честь-то мнѣ и радость очень велика, не по мнѣ, не подъ силу мнѣ переживать это, во всемъ къ малому я привыкъ. Трогательна была эта сцена! Благодарю Тебя, Необъятный въ щедротахъ Твоихъ, Господи! — Такъ много далъ Ты мнѣ дней свѣтлыхъ, радостныхъ! И я ничѣмъ не возблагодарилъ Тебя, Безконечно Щедрого, ни за одну изъ милостей и щедротъ Твоихъ. Прости мнѣ, Господи, черствость, загрубѣлость сердца моего! Пріѣхали домой, подробно рассказали все матери. Не привыкла она мыслию все изслѣдовать и мало довѣряла разуму, а больше сердцемъ своимъ жила и ему одному вѣрила.

Жаль ей стало отпустить меня въ дальнюю сторону и въ городъ невѣдомый. Зарыдала, бѣдная, съ причетами: „Куда, родное мое дѣтище, ѣдешь отъ насъ? Нѣтъ тамъ ни родныхъ, ни знакомыхъ у тебя. И обычаи, и жизнь тамъ все новое и все не по нашему. И когда ты вернешься къ намъ? И какъ намъ повидать тебя, когда сердце все о тебѣ выболить? И не пріѣдешь ты предать праху насъ, когда смерть прейдетъ по насъ? Пожалѣй ты старость нашу, на послѣдокъ дней нашихъ будь утѣхой намъ. Какого тебѣ еще счастья? Не приходь-ли ужъ у о. Александра? Иль невѣсту

тебѣ плохую высмотрѣли? Не гонись за большимъ: высота, почетъ да богатство, — нѣтъ чего опаснѣе“ и т. п. Ничѣмъ не могли мы тогда успокоить ее. А когда уѣзжалъ я въ Петербургъ, еще горче плакала, тогда и отецъ не могъ успокоить ее. Послѣ писали мнѣ, что отъ скорби цѣлую недѣлю въ постели пролежала. Спасибо еще о. Мартирію: въ это время онъ навѣщалъ моихъ родителей, они ему во всемъ вѣрили, и его бесѣды ихъ успокоили.

II.

Въ Академію приняли на казенное содержаніе. Здѣсь жизнь была хорошая и во всемъ на барскій манеръ. На первыхъ порахъ даже совѣстно было такого новаго положенія. Науки все высокія. Профессора все именитые съ большою эрудиціей. Занятія свободныя. Слушай только со вниманіемъ, читай не отрываючись, и вся мудрость предъ твоимъ умомъ, питайся ею, сколько есть желанія,—заботы житейскія, думы о пропитаніи отняты отъ тебя. Кончилъ я курсъ. Получилъ кандидата съ отличіемъ. Тутъ вспомнилась мнѣ завѣтная, давнишняя мечта моихъ родителей:—видѣть меня въ священномъ санѣ, и это къ тому же было влеченіемъ и моего сердца. Рѣшилъ я искать себѣ подругу жизни и мѣста. Товарищъ сиротку одну мнѣ посваталъ, теперъ моя матушка, Елизаветой Сергѣевной звать. Денегъ я не искалъ, а приданое, свадьбу и мнѣ одежку все справить на свой счетъ обѣщались, да еще родителей моихъ на свадьбу выписать. Чего же больше? Посмотрѣлъ; полюбилась: скромна, молчалива, застѣнчива и собой недурна. Пошелъ испросить благословенія у своего ректоравладыки. Мудрый то былъ владыка. А родство хорошо? какова про нихъ слава? Говорю: одобряютъ. Тогда Богъ да благословить тебя, потому каково дерево, таково и яблочко.

Долго жилъ о. Алексѣй семейною жизнію, много души въ нее положилъ и силъ потратилъ, здѣсь и радость и горе свое изливалъ, здѣсь и отдыхъ, покой, утѣшеніе и ободреніе получалъ. А потому какъ вспомнилъ о ней, такъ съ особенной силою

образъ за образомъ, чувство за чувствомъ, слово за словомъ, день за днемъ стали тѣсниться въ сознаниі его. Вотъ ярко рисуется образъ любимой, нѣжной и кроткой жены: ея первая молодость съ ласкою, нѣгою; нѣжныя, сладкія рѣчи ея; бесѣды вечернія долгія; взгляды безъ словъ, но понятныя; ея радости, скорби, желанія; первое чадо желанное, ея материнство: безсонныя ночи съ дѣтьми, заботы, страданія, совѣты взаимныя о жизни, о дѣтяхъ, взаимныя планы, мечты, споры небранныя; ея болѣзни и старость замѣтная; каждое слово ея и свое къ ней припоминаются, все до мельчайшихъ подробностей. Какъ ни чиста и свѣтла была жизнь, а и темныя пятна теперъ, вотъ, виднѣются. Вотъ тогда то слово рѣзкое сказалъ я ей, не стерпѣла она, мнѣ отвѣтила также, а потомъ долго, долго... плакала. Вотъ тогда-то унизилъ ее передъ собою. Часто планамъ ея не сочувствовалъ и передъ ней, и передъ людьми въ смѣшномъ видѣ ее представлялъ. И много другихъ обидъ, огорченій, причиненныхъ женѣ, вспомнилъ о. Алексѣй. Жаль ему стало ее. Всѣ эти мелочи за великіе, тяжкіе грѣхи считаетъ въ себѣ. Не находитъ и словъ и мыслей, какъ раскаяться въ нихъ. Господи! Ты далъ мнѣ жену, какъ сосудъ хрупкій и немощный, чтобъ я оберегалъ ее. А я огорчалъ ее, разстраивалъ, сердилъ, обижалъ и словомъ и дѣломъ, и тѣмъ скоро состарилъ ее. Ты чрезъ меня сотворилъ ее матерію, а я не раздѣлялъ тяжести этого креста ея, не раздѣлялъ трудовъ ея въ воспитаніи дѣтей нашихъ. хотя это было чрезъ меня. Ты далъ мнѣ ее въ утѣшеніе, въ ободреніе, въ совѣтъ, какъ вѣрнаго друга, а я, по гордынѣ своей, отвращался ея, пренебрегалъ ею. Въмѣсто сладостей я въ преизбыткѣ наполнилъ жизнь ея горечью, обидами и слезами!

Но и эта исповѣдь не удовлетворила о. Алексѣя. Какъ я пойду ко Господу, не примирясь съ обиженными мною? Не приметъ Онъ меня тогда къ Себѣ, какъ и Самъ сказалъ: „аще принесеши даръ твой ко алтарю и ту вспомянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой, иди и примиришь прежде съ братомъ своимъ“. А я что, безумный, дѣлаю? Вѣдь матушка то здѣсь; поди, навѣрное, старуха и не спитъ еще. И теперъ, ради меня не спитъ, и теперъ не пре-

стаю дѣлать ей огорченія. Лиза, а Лиза... матушка! Что Алексѣй Тимоѳеевичъ? Ужели ты все еще не спишь, вѣдь, уже второй часъ за полночь. Что ты себѣ вредъ-то дѣлаешь? И здоровый не поспи ночь, другую, такъ съ ногъ свалишься, а ты, вѣдь, такъ-то, вотъ, вторую недѣлю все не спавши, да не спавши. А ты-то спала? Я? Конечно спала, вотъ только на третій зовъ къ тебѣ пришла. А коли ты спала, какъ же ты можешь знать, что я тебя три раза звалъ? Да объ этомъ будетъ... Спасибо за твою любовь ко мнѣ, и за уходъ, и за все. Только тебѣ лучше спать. А я, вотъ, что тебя позвалъ. Мнѣ серьезно поговорить съ тобой нужно. Вспомнилъ я всю жизнь нашу семейную и теперь только, какъ все припомнилъ, позналъ, сколько виновенъ я предъ тобою, какъ много тебѣ я слезъ, огорченій, страданій причинилъ, какъ жестоко и ничтожно за любовь твою платилъ, и... началъ снова исповѣдъ свою. Тяжело мнѣ отъ этого. Теперь бы хотѣлъ для тебя весь въ любовь превратиться, но... уже поздно, теперь это только слова. Прости меня, Лиза, за все. Освободи мою душу отъ сознанія этихъ грѣховъ. Дай мнѣ увѣренность, что никогда твое нѣжное сердце не сожмется отъ боли, при воспоминаніи обидъ, причиненныхъ мною тебѣ. Вѣдь, я все же всегда носилъ тебя въ сердцѣ своемъ и душою любилъ. Много и горькаго я тебѣ говорилъ, но не отъ злобы, а хотѣлось мнѣ воспитать душу твою, научить ее правдѣ Божіей! Охъ! вотъ хотѣлось бы въ ноги тебѣ поклониться за любовь твою и за скорби твои отъ меня, да прости, нѣтъ, не въ силахъ подняться.

А жена молча слушала, сидя въ изголовьи. Глазами впилась въ него. Гладить волосы бѣлые. Слезы къ глазамъ приступаютъ. Горло дыханье тѣснить. Не могла дольше выслушивать послѣднюю рѣчь о любви. Сердце забилося. Двѣ крупныя слезы упали на сѣдую бороду мужа. А сама все крѣпится, боится показать, что и ей тяжело, какъ бы его не разстроить. Да что ты? Господь съ тобою! Что ты выдумалъ? Откуда грѣховъ то набралъ? Ты ни въ чемъ предо мной не повиненъ: ни въ словѣ, ни въ мысляхъ. Я какъ подъ сѣнію теплаго, вешняго солнца съ тобою жила. Ты, какъ отецъ, меня баловалъ, нѣжилъ, лелѣялъ, берегъ и ласкалъ, и любовью

въ избыткѣ меня окружалъ. Меня ты прости. Я, по глупости женской, мало тебя понимала, цѣнила, ласкала, и много тебя огорчала. Я только теперь поняла всю любовь твою, вѣру твою въ Бога, въ служеніе свое, всю чистоту твоихъ стремленій. Ты святой, непорочный, безгрѣшный, ты одна лишь любовь! Тутъ она начала цѣловать и уста его, и глаза, и руки, и волосы. *Зарыдалъ* и о. Алексѣй, и отраднѣла, и тяжела была для него эта сцена любви. Обезсилѣлъ, и сразу заснулъ долгимъ сномъ. А она все твердитъ сквозь глухія рыданія: ты святой, ты святой... мой отецъ... мой другъ вѣрный и нѣжный, ты мой святой... И такъ до разсвѣта почти просидѣла, склонившись головою на руки свои.

III.

Утромъ о. Алексѣй проснулся. Въ душѣ помолился. Принялъ лѣкарство. И снова бывшее свое вспоминать и душу свою покаянiемъ очищать передъ Богомъ. Вотъ и мѣсто открылось у Владимірской Божіей Матери. Много тогда было кандидатовъ, — слухи носились, до сотни прошеній поступило ко Владыкѣ. Но Владыка (царство Небесное дай Богъ ему!) внялъ моей просьбѣ, опредѣлилъ меня. И, что же я сдѣлалъ, какъ пастырь духовный? Тутъ сразу воскресли въ немъ всѣ идеалы, мечты и стремленія, которые онъ такъ лелѣялъ въ себѣ, которыми жилъ еще будучи на студенческой скамьѣ, съ которыми онъ вступалъ на поприще пастырства и которые искренно желалъ воплотить въ своей жизни. И все это сплотилось въ одинъ яркій образъ добраго пастыря по духу Христа, и съ нимъ онъ началъ свѣрять себя. Сердце снова забилося тою любовью сильною, чистою, чуждою зависти, корысти, лести, потворства, неправды, гнѣва и злобы, которою онъ хотѣлъ обнять всѣхъ, воспринять въ свое сердце и, вмѣстѣ съ нимъ, принести ко Христу. Вотъ хотѣлъ я быть вѣрнымъ законамъ Христовымъ, всѣмъ завѣтамъ Его, хотѣлъ воплотить ихъ въ своей личной жизни и ею, какъ Онъ, людей поучать, назидать и утверждать въ вѣрѣ въ сладость и блаженство жизни по духу Христову. А что я исполнилъ изъ этой мечты и желанія? Я

желалъ быть кроткимъ, смиреннымъ, незлобивымъ, терпѣливымъ и твердымъ въ надеждахъ, сильнымъ волею въ добрыхъ дѣлахъ, безкорыстнымъ, милостивымъ, прямодушнымъ, чуждымъ ласкательства, пристрастія и чловѣкоугодничества, любвеобильнымъ ко всѣмъ, равнодушнымъ къ почету, чести и власти и ко всѣмъ благамъ и сладостямъ тлѣннаго міра сего, строгимъ къ плоти своей со всѣми запросами и порывами ея, трудолюбивымъ, горячимъ въ молитвѣ, неусыпнымъ бдителемъ сердца своего. И вотъ онъ перебираетъ всю жизнь свою, ищетъ въ ней, роется, каждую мысль, каждое слово, каждое движеніе сердца, каждый поступокъ свой свѣряетъ съ завѣтами и заповѣдями Божиими. Все доброе, свѣтлое въ себѣ за малое, ничтожное, за тусклый лишь образъ добра и святаго онъ почитаетъ и какъ-бы мимо глазъ пропускаетъ, а больше все худаго въ себѣ ищетъ, больше надъ нимъ останавливается вниманіемъ. И кажется ему, что онъ ничего не исполнилъ изъ добрыхъ и свѣтлыхъ стремленийъ своихъ, что во всемъ онъ виновенъ предъ Богомъ, что въ немъ и тѣни подобія Божія нѣтъ, что онъ недостойнъ по жизни своей и имени раба Христова, не только что друга Его, что жизнь его—только одинъ лишь грѣхъ и была лишь въ соблазнъ для народа. И кажется ему, что уже многихъ онъ соблазнилъ своею нехристіанскою жизнію, во многихъ вмѣсто любви и почтенія къ священству насмѣшки, презрѣніе, холодность, злобу вселилъ и тѣмъ удалилъ ихъ отъ Церкви Божіей и Христа, что много онъ душъ загубилъ для спасенія. Вотъ я избралъ себѣ ниву Господню. Здѣсь хотѣлъ я сѣять сѣмя избранное, чистое, сѣмя Христова ученія, сѣмя Христовой любви. Хотѣлъ эту ниву рососою любви поливать, согрѣвать, чтобы плоды были зрѣлые, сильные. Хотѣлъ неустанно трудиться на ней. Хотѣлъ неусыпно наблюдать за нею, чтобы кто украдкою не разсыпалъ въ ней плевеловъ и тѣмъ не испортилъ и чистыхъ колосевъ, или чтобы кто не расхитилъ плодовъ ея, когда къ жатвѣ поспѣетъ. Я хотѣлъ себѣ стадо отъ великаго стада Господня собрать, чтобы пасти его на этой тучной и плодоносной нивѣ. Я хотѣлъ это стадо одними здоровыми плодами съ нивы питать, водою живою поить, отъ хищныхъ звѣрей защищать

и мудрымъ, любвеобильнымъ и бдительнымъ водительствоиъ вскормить, воспитать въ тучное, доброе, безпорочное стадо Христово и привести его ко Господу, какъ даръ достойный престола Его.

И что же я сдѣлалъ? Всю жизнь свою пастырскую съ первой службы своей старается привести на память о. Алексѣй, — все до мельчайшихъ подробностей. Всѣ слова и бесѣды церковныя и частныя, всѣ движенія сердца, всѣ дѣла, всѣ случаи общенія съ паствою быстро одно за другимъ проносятся въ его головѣ. Хоть и много труда, и заботъ, и любви, и старанія, и ревности онъ въ это дѣло святое вложилъ, но все это ему кажется ничтожнымъ, нецѣннымъ. „Все это, и даже больше, могъ каждый простой человекъ сотворить. А я? Я вѣдь, отъ Бога особенный даръ получилъ, чтобъ творить все святое, великое, — даръ, чрезъ который могъ я людей возрождать, исцѣлять, — даръ, чрезъ который вся природа была въ моей власти, — и горы, и бездны, и воды. Сила Христова дана была мнѣ. Мнѣ стоило только этотъ даръ сохранять въ себѣ, развивать, вѣрить въ Бога, любить Его, носить Его въ сердцѣ своемъ, отдать Ему всѣ силы свои, всю свою жизнь. Такъ что же могу я приписать себѣ въ пастырской жизни своей добраго, цѣннаго? И сильно занимаютъ вниманіе о. Алексѣя всѣ упущенія, промахи и все худое изъ пастырской жизни его... Зналъ я, что самъ я ничто, зналъ я, что въ Богѣ вся сила моя. Уже потому я долженъ былъ непрестанно молиться и молиться искренно и горячо, какъ-бы предъ Лицемъ Самого Бога, непрестанно долженъ былъ бы носить Бога и въ мысляхъ, и въ сердцѣ своемъ. А какъ нужны были эти молитвы для паствы моей: они просили молитвъ моихъ, искали въ нихъ утѣшенія, сердцу отрады, пользы для жизни своей, и вѣрили въ нихъ, на нихъ уповали. А я, по гордынѣ своей, часто на силы свои полагался, и отъ того не малаго лишился самъ, а большаго лишиль паству свою, ибо тогда безплодны были труды мои. А какъ я молился? Во время молитвы былъ и разсѣянъ, и холоденъ, нерѣдко поспѣшенъ, и часто мысли земныя, плотскія чувства и стремленія въ это время врываются въ душу мою. Такъ я былъ нерадивъ! Иногда забывалъ даже, что предъ Богомъ

стою, что къ Нему обращаюсь душею. И эта разсѣянность, это самозабвеніе посѣщали меня, овладѣвали мною даже у престола Господня, на мѣстѣ святѣ Его. О, я безумный! Гдѣ мнѣ оправданіе?..

А какъ я служилъ Св. Тайнамъ Твоимъ? Даже и думать-то страшно... Легкая дрожь пробѣгаетъ по изнуренному тѣлу о. Алексѣя отъ яснаго и возвышеннаго представленія этихъ великихъ моментовъ своего священнаго служенія... Глаза засвѣтились какимъ то особеннымъ свѣтомъ. Весь онъ пришелъ въ какое-то возбужденное состояніи. И припоминаются тутъ о. Алексѣю всѣ тѣ мелкіе, сами по себѣ малозначительные случаи, являшіеся въ его жизни не по злобѣ, не отъ маловѣрія, а просто или отъ внѣшней обстановки жизни, или отъ усталости и переутомленія, благодаря которымъ самъ же онъ сознавалъ себя мало подготовленнымъ къ совершенію Великаго Таинства Тѣла и Крови Христовой, къ приобщенію Божественной Трапезы Его, и—недостаточно искреннимъ, сильнымъ и теплымъ въ молитвѣ. И всѣ эти обыкновенныя въ внутренней жизни каждаго іерея искушенія представляются ему страшными грѣхами противъ Святыни Господней. Душа его исполняется священнаго трепета и онъ входитъ въ еще болѣе возбужденное состояніе. Глаза покрываются блескомъ. Сердце усиленно бьется. Къ головѣ замѣтно приливается кровь. Уста лихорадочно шепчуть... Боже! Ты далъ мнѣ силу и власть творить и всѣ прочія таинства, низводишь на людей всѣ благодатныя силы Твои, чтобъ привить ихъ къ Тебѣ и въ Тебѣ ихъ спасти, чтобы всѣхъ привести ихъ въ чертогъ Твой Небесный, для ихъ сладостей райскихъ, блаженства и вѣчной славы Твоей! И они мнѣ въ томъ вѣрили... А какъ я этимъ Св. Тайнамъ служилъ, какъ служилъ я Твоей благодати? Я забывалъ, что творилъ. О, легкомысліе! Съ какимъ трепетомъ долженъ былъ я приступать къ Тебѣ, Боже, когда этимъ тайнамъ служилъ! Съ какой силою духа, съ какой теплотою сердечной, съ какой вѣрой, надеждой, любовію я долженъ былъ взывать къ Твоему милосердію, чтобы низвести благодать Твою, силы Твои на наслѣдниковъ рая небеснаго, на призванныхъ къ вѣчной жизни въ Тебѣ. А какъ тогда я молился Тебѣ? Нерѣдко

лишь внѣшней формѣ въ служеніи этомъ я вниманіемъ весь отдавался, а духъ?.. духъ служенія?.. благодать?.. ея сила чудесная?.. твоя высота безконечная?.. спасеніе людей?.. слава церкви твоей?.. Я все это какъ-бы забывалъ. Я лишь тѣломъ, устами своими служилъ тогда предъ Тобою! И кажется о. Алексѣю, что все это священнослуженіе его, какъ оскорбительное для Бога и для святости установленныхъ Богомъ таинствъ, и всѣ молитвенныя ходатайства его предъ Богомъ—прошли безплодно для его паствы, для церкви Христовой. Кажется ему, что своимъ священнослуженіемъ онъ многихъ лишилъ благодати Божественной, многимъ только заградилъ путь въ лоно Церкви Христовой, многихъ ввелъ только въ обманъ, много душъ погубилъ для спасенія, многихъ лишилъ утѣшенія, исцѣленій въ болѣзняхъ и т. п. И воображеніе уже рисуется ему какъ бы въ видѣ тѣней погибающія внѣ благодати и милости Божіей человѣческія души. Вотъ онѣ жалкія, слабыя, непросвѣщенные, со страждущимъ видомъ беспомощно блуждаютъ во тьмѣ и ихъ окружаютъ отовсюду тьмы злыхъ духовъ. Страшно становится о. Алексѣю... Сердце то усиленно забьется, то какъ будто замретъ отъ мучительной боли. Лице потемнѣло. Морщины на лицѣ въ рѣзкія складки сложились. Взоръ потупился. Слезы къ глазамъ приступаютъ. И хочется плакать ему безъ конца. Хочется грѣхъ свой предъ Богомъ загладить, хочется сразу всѣхъ въ лоно церкви ввести, привить ко Христу, къ вѣчной жизни Его. И жаль ему паству свою... Съ минуту борьба... Уже ядъ отчаянія тихо подкрадывается къ сердцу. Голова, какъ въ туманѣ... Но, вотъ, внезапно, но сильно охватываетъ его мысль о безконечности милосердія Божія. Быстро оставляютъ его: и страхъ, и отчаяніе, и сомнѣнія. Сердце бьется уже безъ боли. Глаза устремляются вверхъ, лицо оживилось. Весь духъ его входитъ въ какое-то экстатическое состояніе, и вся его внутренняя борьба выливается въ возвышенную молитву, въ которой онъ про себя почти забываетъ. Вдругъ, сразу силы оставили о. Алексѣя. Изнуренный организмъ оказался не въ силахъ долѣе переносить такое возбужденное настроеніе духа и такое нервное напряженіе. Охъ!.. тяжело!.. глухо простоналъ онъ и крѣпко

заснулъ. Это было уже за полночь. Семья вся спала. Одна жена его лишь дремала въ полузабытьѣ. Она быстро встала на тяжелый вздохъ о. Алексѣя, быстро вошла къ нему въ комнату, но уже застала его спящимъ крѣпкимъ сномъ. Ее удивилъ этотъ тяжелый вздохъ мужа, но потомъ она приняла это за сновидѣніе и ушла въ свою комнату.

IV.

На утро о. Алексѣй проснулся немного позднѣе обыкновеннаго, около 9-ти часовъ. Глубокій сонъ значительно подкрѣпилъ его изнемогшія силы. Только немного голова не то болѣла, не то не окрѣпла, какъ бы въ какомъ-то туманѣ была. Онъ утеръ себѣ лицо сырымъ полотенцемъ, помолился, позвонилъ. Прислуга принесла стаканъ чаю. Принялъ лекарство и опять за мечты. Боится потерять и минуты, какъ-бы смерть не пришла, прежде чѣмъ онъ все вновь переживетъ, спѣшитъ и старается все, все вспомнать. Припомнилось ему, надъ чѣмъ онъ въ прошедшую ночь сокрушался. Да... я въ тотъ разъ вспоминалъ, какъ я Богу служилъ, какъ вступалъ съ нимъ въ общеніе, какъ жилъ внутреннею жизнью съ Нимъ. Да, тамъ много было грѣха. А какъ, вотъ, я жилъ съ паствою своею? Помню я шелъ къ ней съ любовію чистою, сильною. Хотѣлъ ее въ сердце свое воспринять и, какъ дитя свое кровное, непрестанно носить ее въ сердцѣ своемъ, неразлучно до гроба, лелѣять, ласкать, утѣшать, учить и питать, отъ всѣхъ золь охранять и потомъ привести ко Христу чистою, доброю и тамъ неразлучно съ ней жить въ чертогахъ святыхъ. Но, что же я сдѣлалъ ради нея, какъ ей служилъ? Любовью-ли въ сердцѣ пылая, или съ расчетомъ холоднымъ служить ей ходилъ? Ея ли отъ притѣсненія враговъ и отъ хищныхъ звѣрей защищалъ, или себя лишь берегъ, гдѣ опасность грозила? Ея ли счастье, радость, миръ и покой—сердечныя думы мои составляли, или на горѣ и нуждахъ ея я счастье себѣ созидалъ? Снова всѣ подвиги самоотверженія, состраданія, любви, милосердія, усталость и изнуреніе, всѣ свои слова поученія, ободренія,

утѣшенія, все доброе, что онъ сдѣлалъ паствѣ своей и что въ ней оставило яркіе и неизгладимые слѣды любви его, онъ какъ-бы прогоняетъ изъ своего сознанія, какъ или малозначущее, ничтожное, или какъ принадлежащее не его доброй волѣ и любвеобильному сердцу, а Божіей силѣ и милости, только явившейся чрезъ него недостойнаго. Снова стремится онъ отыскать въ себѣ все худое, всѣ упущенія въ пастырской жизни своей, боится, какъ бы изъ этого чего не упустить изъ вниманія, не позабыть, и на этомъ дольше останавливается своимъ вниманіемъ, больше это обдумываетъ и старается перестрадать сердцемъ своимъ.

Вотъ, я хотѣлъ поучать свою паству ученіемъ Божественнымъ, какъ жить, чтобы угоднымъ быть Богу, чтобы въ немъ вѣчную жизнь и блаженство найти. Я хотѣлъ ей всѣ мысли чувства, желанія свои передать, чтобы жила она одною душою со мною. Я хотѣлъ ей передать всю мудрость свою, весь запасъ своихъ знаній, что чрезъ чтеніе Божьяго слова, чрезъ свои размышленія и всѣмъ школьнымъ путемъ приобрѣлъ.

Я хотѣлъ ей всѣ тайны Небеснаго Разума ввѣрить, что Господь намъ открылъ. Я хотѣлъ ее подготовить къ жизни чисто духовной грядущихъ, блаженныхъ вѣковъ. И хотѣлъ я учить ее денно и ночью, какъ только встрѣчусь я съ нею, и—не закрывая уста. Но... какъ я училъ? Я боялся явиться предъ паствою съ простымъ, устнымъ словомъ моимъ. Я боялся славу свою омрачить безыскусственнымъ словомъ. О, гордыня безумная! Мнѣ хотѣлось блистать своимъ знаніемъ, словомъ и красотою рѣчи своей. А польза духовная слова? Да... отъ погони за славой она пропадала. Я больше искусству, изяществу слова, а не паствѣ словомъ служилъ. А для этого времени было немного,—служба, да связи житейскія не много свободныхъ минутъ оставляли, да и лѣнь иногда нападала; такъ и рѣдко являлся я предъ паствою съ словомъ своимъ. И много отъ этого я не повѣдалъ паствѣ своей, много лишилъ ее пищи духовной, въ голодѣ разумъ ея я держалъ. И какъ мало, ничтожно она просвѣщена духовно: въ ней невѣжества больше, чѣмъ свѣта. Ея разумъ не знаетъ духовнаго взора, ея сердце не знаетъ блаженства

святаго, ея слово не знаетъ небесной красы. А при встрѣчахъ случайныхъ, при требовахъ какъ я училъ? Предъ знатымъ и сильнымъ, предъ ученымъ и высшимъ меня, я слабѣлъ въ своемъ словѣ, или уста свои замыкалъ. Пороки и страсти щадилъ въ нихъ и мягкимъ словомъ ихъ обличалъ, тогда какъ тутъ нужно было вѣское, сильное слово. Предъ ними я забывалъ и духъ Иліи, и духъ Іоанна Предтечи. Пороки же бѣдныхъ, незнатныхъ я сильно обличалъ и каралъ. И сколько, по безмолвію, слабости слова моего, осталось во грѣхѣ, тогда какъ я могъ-бы ихъ жизнь переродить. А сколько я могъ-бы утѣшить, ободрить, на путь правды, спасенія направить, сколько слезъ я могъ осушить? А много-ль страдальцевъ, несчастныхъ вошли въ радость чрезъ слово мое? Не вижу такихъ! Снова входитъ о. Алексѣй въ возбужденное состояніе духа. Въ его воображеніи рисуются образы страждущихъ отъ недостатка и слабости слова его. Онъ уже самъ ощущаетъ и переживаетъ сердцемъ своимъ всѣ страданія этихъ людей. Но онъ чувствуетъ, что хотя онъ и страдаетъ за нихъ и переживаетъ въ себѣ ихъ страданія, но это не избавляетъ ихъ самихъ отъ страданій. И кажется ему, что его страданія ничтожны въ сравненіи съ ихъ страданіями. И, вотъ, овладѣваетъ имъ сильное желаніе выступить предъ паствою съ искреннимъ словомъ любви, все имъ передать, что доселѣ не передалъ, отдать имъ всю душу свою лишь только-бы всѣхъ извлечь изъ тьмы невѣденія, всѣхъ просвѣтитъ свѣтомъ Божія слова. И хочется ему cadaго въ отдѣльности обойти съ своимъ словомъ сердечнымъ, кому и гдѣ и что нужно будетъ сказать, лишь-бы всѣхъ избавить отъ страданій и всѣхъ направить на путь истиннаго счастья. Но... (съ сожалѣніемъ) время прошло... силъ моихъ нѣтъ и подняться съ постели... теперь ли мнѣ учителемъ быть?.. Да и какъ я могу ихъ всѣхъ и всему научить, передать имъ и мысли и чувства свои, когда во время удобное не могъ этого сдѣлать? Какъ ихъ всѣхъ соберегу? А сколько времени нужно для этого?—А мнѣ оказалось мало и жизни моей. Боже Всесильный, Источникъ Премудрости, Истины, Свѣта! Стадо которое Ты поручилъ мнѣ пасти, я оставляю во мракѣ духовномъ, невѣждою въ знаніи истины, свѣта и

тайнъ, вѣчной жизни въ Тебѣ. Не дай же имъ погибнуть во тѣмъ заблужденій и слабаго знанія глаголовъ Твоихъ! Самъ привлеки ихъ силою Твоей благодати въ лоно церкви Твоей, вложи въ нихъ любовь къ ученію пастырей добрыхъ въ духѣ Твоемъ, и просвѣти ихъ умственный взоръ къ усвоенію истинъ Твоихъ! Да возсіяетъ въ сердцахъ и умахъ ихъ свѣтъ Твой Божественный! Да не единъ не погибнетъ отъ ученія ложнаго, отъ мрака духовнаго и отъ козней врага! Всѣмъ имъ освѣти путь къ вѣчной жизни и славъ въ Тебѣ! А меня? Меня Мелосердный прости! Я хотѣлъ бы сейчасъ всею душею ихъ напоить, напоить Твоимъ откровеніемъ. Но... теперъ уже поздно. Я, какъ бесплодное дерево, долженъ завянуть для паствы моей. Но... Ты?.. Боже?.. Ты все въ силахъ творить Твоимъ всемогуществомъ. Тѣ сѣмена знанія чистаго, жизни святой, что далъ мнѣ бесплодному, посѣй въ сердцахъ паствы моей и въ ней возрасти ихъ въ колосья прекрасныя, тучныя, зрѣлыя.

Я хотѣлъ быть вѣрнымъ и добрымъ слугою для всѣхъ безразличія и всѣмъ хотѣлъ любовію служить... Но какъ я служилъ своей паствѣ? Усталый я раздражался, когда меня звали на потребу. Бѣднаго я укорялъ, что усталаго тревожить меня, что покоя лишаетъ меня, а къ богатому шелъ но со злобою, и это на образѣ службы моей отражалось. Свершивъ, что просили, спѣшилъ я домой, тогда какъ иногда нужно было остаться для слова, бесѣды, и тѣмъ я огорчалъ ихъ любовь и ихъ духовныя нужды не удовлетворялъ вполнѣ. Я за любовь ихъ къ Тебѣ и къ священству сердцемъ холоднымъ платилъ и тѣмъ искушалъ и любовь ихъ и вѣру. Мысль о корысти моей заронялъ въ ихъ сердца и тѣмъ унижалъ я священство,—эту святую основу церкви Твоей. Да, я въ служеніи своемъ передъ паствою былъ лишь въ искушеніе для нея. Да и только-ли это? Я иногда.. о, Боже прости мнѣ это безуміе! Я иногда ропталъ на тяжесть этого своего служенія, на тяжесть этого добровольнаго креста своего.

Боже! Ты мнѣ повѣдалъ всѣ страданія людскія. И нищету и сиротство, и голодъ, и холодъ, и наготу, и болѣзни, и немощи, и уродство тѣлесное, и раздоры, и ссоры семей-

ные, и зависть, и злобу, вражду и ругательства страшныя, и паденія позорныя, и преступленія разныя, и скорбь, и уныніе, и отчаяніе близкое къ смерти, и проклятія жизни своей, Ты мнѣ все показалъ, отъ чего люди плачуть, страдаютъ, скорбятъ, отъ чего часто жизни не рады своей и другихъ. Я все это видѣлъ своими глазами, слышалъ ушами своими и сердцемъ своимъ пережилъ. Но что же я сдѣлалъ для нихъ? Хоть одного напиталъ-ли голоднаго? Хоть одного я одѣлъ-ли нагаго, холоднаго? Хоть одного согрѣлъ ли я любовію своею? Хоть одного я утѣшилъ-ли въ скорби? Хоть одному осушилъ ли я слезы? Хоть одного избавилъ-ли я отъ страданій? Хоть одного спасъ ли я отъ гибели? Хоть одному я наполнилъ-ли радостию сердце? Хоть одному я отдался-ли всею душою? Или только глядѣлъ я на на нихъ безучастно, какъ зритель холодный въ театрѣ, какъ праздничный досужій только входилъ въ разспросы, для своего любопытства? Много въ этомъ онъ сдѣлалъ добраго, но теперь подъ наплывомъ сильныхъ ощущеній и массы человѣческихъ страданій, онъ не замѣчаетъ его въ себя. Нѣтъ, я такихъ не вижу. Вотъ развѣ В...? Припоминается ему одинъ, промотавшій все свое и семьи состояніе, ради спасенія котораго онъ изъ послѣднихъ своихъ средствъ уплатилъ на большую сумму его долговъ, и съ большими хлопотами опредѣлилъ его на мѣсто, гдѣ тотъ въ послѣдствіи зарекомендовалъ себя образцовымъ человѣкомъ и получилъ видное положеніе. Но... вѣдь, это и каждый-бы сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ. Къ тому же я былъ увѣренъ, что мое добро не пропадетъ. Жаль ему стало всѣхъ этихъ страдальцевъ. И хочется ему теперь всѣмъ людямъ облегчить страданія ихъ. А сознание невозможности исполнить это желаніе еще болѣе усиливаетъ въ немъ невыносимую сердечную скорбь. Даже лицо судорожно подергивается отъ сильной сердечной боли. Боже! прости меня, холоднаго зрителя страданій людскихъ. Я не позналъ, что Ты Самъ страдаешь въ людяхъ Твоихъ, и потому не только ихъ, но и Твои скорби я не принялъ на себя, тяжесть креста Твоего не облегчилъ. Я Тобою былъ возведенъ на Голгоѳу и здѣсь, какъ жестокій, холодный и черствый еврей, лишь безучастно смотрѣлъ на

Тебя въ страданіяхъ и мукахъ Твоихъ. Я видѣлъ и слезы, и вздохи, и кровь, и раны Твои, но и это меня не склонило на милость, не смягчило черстваго, грубаго сердца моего. Я Тебя не снялъ со креста, не помазаль елеемъ раны Твои, не закрыль наготы Твоей отъ вредныхъ стихій и отъ глаза людскаго, я скорби Твоей не умалилъ, ни слезъ Твоихъ не осушилъ, ни въ невинныхъ страданіяхъ Тебя не утѣшилъ, не наполниль радостію и миромъ сердце Твое! А сколько-бы могъ я накормить, напоить, одѣть, обогрѣть? Но... за себя я боялся, какъ-бы въ ихъ положеніи не очутиться и свою семью не оставить. Для себя я берегъ все, себя лишь питаль, одѣваль. Боже! прости мнѣ эту жадность мою, это мое себялюбіе! Я забываль, что Ты Раздаятель благъ всяческихъ и Ты устрояешь всѣ жизни людскія, дабы всѣ познавали Тебя и въ Тебѣ всѣ спаслись. А сколькихъ бы могъ отъ нужды и нищеты я избавить?—стоило только ради нищихъ себя позабыть, съ ними щедро дѣлиться цѣною трудовъ своихъ, оставивъ себѣ лишь насущный кусокъ. А я даже и отъ бѣдныхъ, даже за службу свою принималь. Правда, я ничего отъ нихъ не просилъ, а съ вымогательствомъ я не знакомъ, но все же я зналъ, что и свободный и скромный даръ ихъ за трудъ мой много значить для нихъ. И на что я тратилъ эти дары человѣческой совѣсти, эти дары любви ко священству, этотъ плодъ вѣры народной въ Твою на мнѣ благодать? Стыдно подумать, сознаться,—на удобства, нѣгу, презрѣнный комфортъ жизни своей! А тамъ... тамъ... за мною голодъ и холодъ, слезы, проклятія жизни земной... Вотъ на чемъ я удобства жизни своей создалъ. Боже; прости меня черстваго!—Я скорбью, слезою нужды, нищеты питаль свое чрево и въ нѣгѣ лѣлѣяль тѣло свое! Я слезы и нужду людскую на удобства жизни своей проживаль! А сколькихъ-бы могъ я утѣшить, ободрить лишь словомъ своимъ? Или въ словѣ тогда я былъ скупъ, или предъ сильною скорбью, страданіемъ, слезами навзрыдъ сердце мое замирало?—не помню. Но много въ паствѣ моей осталось скорбящихъ и плачущихъ. А сколькимъ-бы могъ я счастье устроить?—стоило только предъ инымъ поклониться, кого попросить, кого примирить, кого научить. Но... слабость-